

Виктор Глумов

[СТАЛКЕРЫ ПОНЕВОЛЕ]

ХРАНИТЕЛЬ ЗОНЫ

Апокалипсис-СТ

Виктор Глумов
Хранитель Зоны

«Автор»

2014

Глумов В.

Хранитель Зоны / В. Глумов — «Автор», 2014 — (Апокалипсис-СТ)

Некоторые верят, что у Зоны есть Хранитель. Тем, кто живет по чести и совести, он помогает: защищает в битвах, замыливает взгляд врага, указывает кратчайший путь к цели, выводит к редким артефактам. Одни утверждают, что живет он в хижине в Танцующем лесу, другие – что в месте, которое все время меняется, третьи – что он повсюду и нигде, его, как любого духа, можно призвать, если знать имя. Большинство вообще не верит в сказки. Но любой сталкер считает за честь обогреть безоружного путника, который просится к костру... Вдруг это и есть Хранитель?

© Глумов В., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Глава 1	6
Реальность. Артюхов	13
Глава 2	18
Игарт	18
Москва. Артюхов	28
Глава 3	34
Маузер	34
Игарт	40
Ольга. Москва	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Виктор Глумов

Сталкеры поневоле. Хранитель Зоны

STALKER

Издательство признательно Борису Натановичу Стругацкому за предоставленное разрешение использовать название серии «Сталкер», а также идеи и образы, воплощенные в произведении «Пикник на обочине» и сценарии к кинофильму А. Тарковского «Сталкер».

Братья Стругацкие – уникальное явление в нашей культуре. Это целый мир, оказавший влияние не только на литературу и искусство в целом, но и на повседневную жизнь. Мы говорим словами героев произведений Стругацких, придуманные ими неологизмы и понятия живут уже своей отдельной жизнью подобно фольклору или бродячим сюжетам.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Глава 1

Призраки прошлого

Солнце скатилось к горизонту, подсвечивая золотом темную щетинистую линию леса, над которой висели пузатые облака. Казалось, они настолько низко, что вот-вот зацепятся розовыми боками за сосновые верхушки. В теплом неподвижном воздухе переплелись запахи сосновой смолы, примятой травы и нагретой земли, отдающей тепло вместе с влагой. Звуки вязли в нем и делались гулкими. Вот перекликаются синицы, вот дятел стучит по дереву, вдалеке то ли стонет птица, то ли скулит щенок, в шуршащем камыше звенит ручей.

– Идиллия, твою мать, – проворчал Маузер, уставившись на экран КПК, где пульсировала красная точка аномалии. – В небе снуют вражеские беспилотники. Впереди – топка, сразу за ней, правее, странная аномалия, какой-то хищный волос.

Пейзаж контрастировал с окружающей действительностью. Вот так залюбуешься, потеешь бдительность и поджаришься в аномалии. Или тебя засечет один из ястребов Фрайба, патрулирующий окрестности, придут черные и устроят допрос с пристрастием продолжительностью в сотни лет.

Когда Маузер отправлялся в Зону, он не воспринимал ее всерьез – игра есть игра. Теперь же, после обрыва связей, она зажила собственной жизнью, и Маузер начал к ней прислушиваться, считаться с опасностью.

– Топка – фигня, – махнул рукой Игарт, почесал под клювом огромного ворона, в такт шагов покачивающегося у него на плече. – Мучительно умрем, потом воскреснем, и все. Вот если волос до тебя дотронется, фиг от него избавишься. Будешь лохматым ходить, как Чубакка из «Звездных войн», пока не найдешь, чем его свести.

Маузер остановился, взъерошил волосы и проговорил, потирая подбородок:

– Думаю, не взять ли образец этого волоса для Фрайба. Артюхов, сволочь, сбежал... в другой мир. В тот наш мир, а нам тут мучиться с шизиком, повернутым на мировом господстве. Причем воевать с ним сотни, если не тысячи лет. Так пусть и он мучается, бреется денно и нощно.

– Кра, – поддержал ворон, Игарт сказал:

– Он и так страдает. Мы разрушили его гениальный план и дразним его, бродим неподалеку, а достать он нас не может, потому что непонятно, где мы. Сумерки нам на руку, если так разобраться. Кстати, как далеко мы ушли от логова Фрайба?

Маузер глянул на карту КПК:

– Три километра. Лес, охраняемый роботами, тоже позади. Но я бы не расслаблялся.

– Да, скоро стемнеет, а мы голы и босы, все оружие осталось у Фрайба. Ты молодец, что отдал читерский автомат нашим союзникам. И броник тоже, иначе достался бы врагу. Но нам от этого не легче, безоружными нас даже свиньи сожрут, так что надо искать место, где переночевать.

Маузер зевнул, потянувшись. Он хотел возразить, что ночь отличается от дня только тем, что видно хуже, никакие темные зловещие силы не подстерегают во мраке, но понял, что с удовольствием свалился бы и проспал часов ...цать. Мысли, арестованные и запертые на задворках сознания, колотили в двери, но Маузер не обращал на них внимания. Слишком много всего. Если он задумается, что с Ольгой... Отвлечься!

– Кстати. – Игарт хлопнул себя по лбу. – У меня есть шапка-невидимка. Ну, типа того. Артефакт такой. Может пригодиться.

– И где она? – Маузер двинулся вдоль края леса по хрусткой хвое, замер и, приложив палец к губам, проговорил шепотом: – Тссс, впереди кто-то есть.

И додумал: «Вот сейчас бы твою шапку-невидимку». Треснула ветка под чьей-то ногой, затем – еще одна. Кто там может быть? Отправленный на перехват карательный отряд? Маузер облизнул губы и похлопал рукой по пустой кобуре. Черт, и застрелиться нечем, случись чего.

Воцарилась тишина, Маузер слышал лишь биение собственного сердца и дыхание Игарта за спиной. Вспомнились мародеры на железнодорожном депо. Если даже у них есть инфракрасные датчики, то у черных сталкеров Фрайба – тем более. Раз они до сих пор не напали, значит, это не враги, а зверье.

В ответ из кустов донеслось басовитое хрюканье. Игарт вздохнул с облегчением:

– Чертяка, напугал.

Маузер обернулся: напарник столкнул ворона с плеча, и он полетел вперед.

– Так надежнее, будем знать, что впереди, только придется останавливаться, чтоб посмотреть его глазами.

– Ничего. Давай торопиться, время работает против нас.

Как только он это сказал, в кустах завозились, раздвинулись ветви, заколыхалась высокая трава, и появился поросенок – мелкий, с небольшую дворнягу, с двумя бурыми полосками вдоль спины. Обычный такой поросенок.

– Упс, – воскликнул Игарт. – К нам пришла еда...

Поросенок поднял голову, на миг впал в ступор, заверещал и рванул обратно. Мать-свинья захрюкала возмущенно, затрещала ветками – поспешила спасти чад.

– Это мы – еда, – крикнул Маузер. – Бежим!

Он ломанулся назад, там точно нет аномалий, и неся, перепрыгивая кочки, как бегун, преодолевающий препятствия. Игарт, слава богу, рванул следом. Маузер на бегу обернулся: он летел с выпученными глазами, а из кустов скорее с ревом, чем с визгом, пёрла рассерженная свиноматка.

Пришла четкая мысль: «Ржать будем потом». Побивая рекорды, преодолели поляну и вскарабкались – Маузер на одну сосну, Игарт – на другую. Свиномать похрюкала вниз, вызывая на честный бой, и удалилась восвояси. Отдышавшись, Маузер слез на землю, поправил рубаху и сказал:

– Я охотник, и знаю, что такое рассерженный кабан. Был у нас случай, секач побежал на загонщика, а у того патрон в стволе заклинило... Короче, потом долго запчасти парня по поляне собирали, земля ему пухом. И еще, кабаны – стадные. Где самка, там и секач.

– Что-то такое осталось в памяти Артюхова, – проговорил Игарт, вытирая пот.

Маузер покосился на кусты, где скрылась свинья, достал из подсумка КПК и продолжил:

– Как ни смешно, но кабан – опаснейшая тварь. Развивает скорость до сорока километров в час, прыгает на четыре метра. В длину, конечно. Можешь себе это представить?

Говоря, он еще раз проложил маршрут из черной области (они были на ее границе) к лакокрасочному заводу. Чтобы сбить Фрайба со следа, сначала решили топтать в Македонск, а уже оттуда – на базу. Хотелось верить, что Фрайб отозвал своих людей и мутантов, когда понял, что враг решил ударить в самое сердце области.

Облака напитались багрянцем, словно крови хлебнули. Тени слились, стволы деревьев сделались почти черными. Маузер крался на цыпочках первым, замирая от каждого шороха. Слежки с воздуха он больше не опасался – здесь их скрывали сосновые ветви, соединившиеся над головой, будто в дружеском рукопожатии.

Напряжение звенело бесконечной стаей комаров. Игарт вернул ворона на плечо – во-первых, с наступлением сумерек птица начала терять зрение, во-вторых, сверху он видел лишь темно-зеленый ковер.

Обогнули болото с ультрамариновой, под цвет закатного неба, водой, у берегов натянутое ряской. Маузер зацепился взглядом за алый листок на водной глади, подогнувший края, как

дохлое насекомое – лапки, и зашагал было дальше, но тут же насторожился: издалека, стремительно нарастая, доносился до боли знакомый механический свист, перетекающий в гул.

Звук был настолько ирреальным, что Маузер остолбенел, и его сердце пропустило несколько ударов. Аномалии, уроды, мутанты, непонятные воскрешения, все это – здешняя норма, но гул...

Вытаращив глаза, он смотрел, как синюю поверхность болота пересекает отраженная точка самолета, тянущая за собой белый след. Он запрокинул голову: точка сияла золотом закатного солнца. Игарт выматерился. Ругательства, произнесенные торжественно, казались такими же нелепыми, как самолет.

– Подозреваю, что это вижу не один я, – пробормотал Маузер.

Игарт сиял от радости, его ярко-зеленые глаза горели. «Вот тебе и фонарь, – подумал Маузер, стараясь выбросить из головы самолет. – Зона есть Зона. Это мир скорее магический, чем техногенный, она может играть с памятью, как Солярис». Игарт, похоже, так не считал – тыкал пальцем в небо:

– Ты понимаешь, да? Выход... в Большой мир... Открыт! Мы теперь свободны!

– Я бы не был так уверен. – Маузер протянул ему КПК: – Вырубился. Как я понимаю, эта дрянь должна все время работать и возвращаться к нам после смерти.

Взгляд Игарта потух, уголки рта опустились, и он сделался похожим на Пьеро. Постучал КПК по ладони, потыкал кнопки, вытащил свой и вздохнул:

– Блин, значит, мы в аномалии, и можем бродить бесконечно, пока не помрем с голоду. Один... бот рассказывал, что такое случается. Одно радует: Фрайб нас ни за что не найдет в этом пространственно-временном пузыре.

– Короче говоря. – Маузер сунул КПК в карман. – Ищем пустую хижину, берлогу, пещеру – все равно. И спим.

– Да вот и я подумываю... Но желательно бы поторопиться на завод, а то о нас там забудут и назначат новых командиров.

– Не успеют. Сначала – спать, – распорядился Маузер и собрался идти вперед, но остановился.

Датчик аномалий сдох, и теперь шагать в смертельное, неизвестное, было стремновато. Вспомнился совет кидать что-нибудь перед собой, тогда, если на пути есть аномалия, она разрядится. Он зачерпнул горсть гравия, взял камешек покрупнее, бросил вперед.

– Вроде, мутантов в пространственных пузырях не бывает, – успокоил Игарт. – И других аномалий – тоже.

Проверять на собственной шкуре не хотелось, и Маузер уступил дорогу Игарту:

– Иди вперед, раз так уверен.

Напарник потоптался на месте. Сделал пару шагов и покрутил головой по сторонам. Вынул из кармана камень и швырнул. Камень шлепнулся в воду.

Маузер шел за Игартом, ссутулившись, и всеми силами пытался отогнать мысли, кружащие возле увиденного самолета. Самолет – порождение аномалии, призрак, не стоит верить в него. Нельзя даже мысли допускать, что открыт путь домой, потому что, когда выяснится, что это не так, вряд ли захочется жить дальше.

Испарения, поднимающиеся от прогретой земли, были такими плотными, что ухудшилась видимость, и Маузер вспоминал боевики, где герои шастают по влажным тропическим лесам. Пейзаж был, правда, вполне привычный, но ощущение не исчезало.

Выбрались на узкую длинную поляну, присыпанную хвоей и листьями, увидели поваленный указатель в придорожном бурьяне и только тогда сообразили, что это дорога, которой не пользуются.

– Гадюкино, – прочитал Игарт, склонившись над указателем, скovyрнул хвою и бросил налево. – Смотри, тут поворот. Идем? Мое мнение –стораживает, что нет тропинки. Там

может быть небезопасно. В брошенных поселках любят селиться бандерлоги, они меня замочили в самый первый раз. И съели, но я этого уже не помнил.

– Тропинки нет, потому что тут территория черных. Даже мутанты от них разбежались. Будем надеяться, что найдем более-менее целый дом. Идем. Не бойсь, беру ответственность на себя.

Ворон вспорхнул с плеча Игарта и полетел вперед под темно-зеленой аркой деревьев.

– Подожди, разведаяю, – проговорил Игарт голосом сомнамбулы, сомкнул пальцы на плече Маузера.

Перемещаясь в тело ворона, он бледнел и уподоблялся смертельно больному. Под закрытыми веками катались глазные яблоки, тонкие губы подрагивали, на лбу и возле трепещущих ноздрей выступала испарина. В такие минуты он полностью терял контроль над телом и становился беспомощным.

Не прошло и десяти минут, как Игарт вернулся – вздрогнул, кровь прилила к щекам. Он потряс головой и протер глаза.

– Относительно чисто. Бандерлогов, вроде, нет. С другого конца деревни – хищная лиана. Там есть хороший домик, он как бы с краю, ближе к нам. Окна-двери заколочены. В нем и заночуем.

Вернулся ворон, спикировал на протянутую руку и взобрался Игарту на плечо.

– Кстати, аномалий на дороге нет, птица их заметила бы. Да-да, она их видит. Зверье и мутанты, наверное, тоже.

Небо сменило цвет с темно-синего на серый, стволы деревьев слились в сплошное черное пятно. Опавшая хвоя под ногами мягко пружинила. Лес закончился, будто его отсекли от поля, поросшего бурьяном и кустарником. На другом его конце, перечеркнутом полосой дороги, на фоне неба угадывались темные крыши частных домов.

Поле преодолели бегом – Маузер по привычке остерегался открытых пространств. На полдороги он услышал голоса и замер, прищурился и разглядел дымок над трубой ближайшего дома, попятился.

– Это, по-твоему – «в деревне безопасно»? – прошипел он.

Игарт вытаращился на него и заморгал, глянул на дом:

– Там никого не было, клянусь! Ворон чуть ли не в окна заглядывал – никого, черт поberi...

– Тссс! Пойдем, посмотрим. Или хотя бы послушаем.

Говорил мужчина. Похоже, сам с собой. Его голос то усиливался, и тогда долетали отдельные слова, то стихал до едва различимого шепота. Маузер еще раз провел рукой по пустой кобуре, поджал губы и на цыпочках двинулся к дому. Переступил через гнилую кучу досок – все, что осталось от забора, – прислушался:

– ...я ему, значит, говорю, чтоб прекратили безобразие, а он только лыбится, гадостно лыбится, говорит, что-де параша чистить будешь, петушара. Ну, сама понимаешь, сержанту стучать беспонт, тогда ваше торба. Ну, они, это, подкараулили меня ночью, ну и... – голос стих, зашелестел едва слышно, а потом невидимый парень вскрикнул: – Ты не смотри так, ничего такого не было, просто... Просто бессилие, понимаешь? Меня в школе никто никогда не чмырил, и родители не били, а тут... Да они же обезьяны тупые, быдло! Да я землю очистил от мерзости! И – под трибунал...

Маузер сглотнул. Дезертир! Точно не житель этого мира – они не знают ничего ни про сержантов, ни про школу. Самолет, теперь дезертир – неужели, и правда, каким-то удивительным способом открылись ворота в нормальный мир? Почему бы и нет? Случилось столько невероятных вещей, одной больше, одной меньше...

Из щелей между досками заколоченных окон лился трепещущий свет костра. Маузер обогнул дом, остановился у порога и уставился на ржавую дверь с огромным замком, накры-

тым половиной пластиковой бутылки. Неужели дезертир влез через окно с другой стороны дома? Маузер шагнул в крапиву, поднял руки повыше, чтоб не ожечься, обошел хижину: нет, и тут окна заколочены. Значит, дезертир проник в дом с торца. Но и там к оконной раме были прибиты три хлипкие доски.

Тогда Маузер вернулся туда, где свет, встал на цыпочки, глянул в комнату. На бетонном полу сидел, сжимая коленями автомат, белобрысый курносый паренек в камуфляжной форме, его огромные уши алели ломтиками помидоров. Напротив него привалилась к стене связанная девушка, темноволосая, лет двадцати, в джинсах и полосатом сине-розово-оранжевом свитере. Теперь Маузер догадался, почему парню никто не отвечал: он заклеил девушке рот скотчем. В середине комнаты трещал костер, дым вытягивало в дымоход над развалившейся печью.

Знакомая ситуация: дезертировал и взял заложника. Зеленый и трусливый, таким оружие вообще нельзя выдавать, потому автомат следует экспроприировать.

Маузером настолько овладела эйфория, что он уже не задумывался, каким способом парень и заложница проникли в дом. Наверное, туда есть подземный ход.

Все так же, на цыпочках, он вернулся. Игарт, усевшийся на сухую траву, встал и спросил: – Что там?

– Дезертир из Большого мира. – Маузер улыбнулся от уха и до уха, потер ладони. – С заложником. У него есть автомат, мне подумалось, что нам оружие нужней. Один я вряд ли его обезоружу, а вот мы вместе – запросто.

Игарт задумался:

– Не нравится мне все это. Понимаешь, несколько минут назад дом был пуст! Я два круга вокруг нарезал, убедился, что никого, и только тогда... – он помотал головой. – Напоминает ловлю на живца.

Маузер не слышал предостережений, его трясло от возбуждения. Хотелось жрать виски и орать дурные песни во всю глотку. Подумать только – он потерял и жизнь, и любимую женщину, попал в ад, где обречен был блуждать вечно, – и оказалось, что есть мост, соединяющий миры! Маузер уже мысленно обнимал Ольгу и пил горький горячий кофе, по которому так соскучился.

– Наихудшее, что с нами случится – мы умрем, – прошептал он. – Но без автомата мы умрем... Больше количество раз.

Игарт с тоской посмотрел на заколоченное окно дома. Его тревога передалась Маузеру и пригасила пыл: с неизвестным небезопасно иметь дело. Когда от кабана улепетываешь, ясно хоть, что свинья тебя или порвет, или затопчет, здесь же...

– Что мне делать? – без энтузиазма поинтересовался Игарт.

– В комнате, где дезертир, два окна: одно это, второе – со стороны входной двери. План предельно прост: ты отвлекаешь пацана, стучишь в окно, я тем временем выбиваю второе и отнимаю автомат. Или наоборот?

– Слишком все просто. – Игарт протянул руку к кусту сирени – ворон перебрался на тонкие ветви, согнувшиеся под тяжестью его тела. – Ну да ладно. Ты прав, максимум, мы умрем. В первый раз, что ли?

И снова рука скользнула по пустой кобуре.

Двигались бесшумно, как тени. Дезертир вещал возмущенным голосом:

– Ты меня осуждаешь? Конечно, как же еще. На самом деле не стоит – я не желаю тебе зла. Но уж так получилось, потерпи. Надеюсь, не придется пускать тебе пулю в лоб.

Под «берцем» Игарта хрустнула ветка. Маузер зашипел, Игарт втянул голову в плечи и на цыпочках, пригнувшись, побежал к окну. Маузер метнулся в крапиву, снова зашипел, ожегшись.

– Кто здесь? – заорал дезертир.

«Мяу», – мысленно ответил Маузер, наблюдая, как заколоченное окно закрывает черная тень. В крапиве он пробрался к двери, встал на порог и посмотрел в щель между досками заколоченного окна: дезертир выглядывал на улицу, силясь различить врага в темноте. Идиот! Если бы работал снайпер, его давно сняли бы. Слава придуркам, потому что благодаря одному представителю их племени почти удалось добыть автомат. Маузер высунулся из-за стены и помахал Игарту – действуй, мол.

– Молодые люди, пустите к огоньку, – прогнусил напарник, имитируя старушечий голос.

Дезертир от страха чуть автомат не выронил, прижался к стене.

– Открывай, собака, это мой дом! – повторил Игарт и ударил в трухлявые доски.

Маузер приготовился к атаке, мысленно начал отсчет: три, два, один... пошел!

Подтянуться. Подпрыгнуть. Выбить доски локтем. Перекатиться через подоконник. Метнуться в сторону, туда, где девушка. Он действовал на автомате и не сразу сообразил, что уж слишком в комнате темно. Рванул к смутной тени, повалил врага.

– Идиот, это я! – прохрипел Игарт.

Маузер разомкнул захват. Игарт поднялся и включил фонарь на КПК. Голубой луч пополз по стене с отслоившимися обоями, скользнул по трубе печки, переместился ниже, выхватил вывалившиеся из кладки кирпичи, задержался в центре комнаты. Там, где должно быть кострище, чернел зев подвала.

По спине побежали мурашки. Маузер привалился спиной к стенке и проговорил:

– Ни черта не понимаю.

– Фантомы, – ответил Игарт и хлопнул носом. – Блин, снова ты меня приложил. Нос-то сломан.

Запрокинув голову, Маузер сполз по стене, сел на корточки, закрыл глаза. По ту сторону сомкнутых век синюю гладь его надежд перечеркивал белый хвост фантомного самолета.

Игарт посветил в подвал, ненадолго задержал синеватое пятно света на откиннутом железном люке, направил за окно.

– Зато нам есть где ночевать, – проговорил Игарт. – Надеюсь, Фрайб не станет нас тут искать и никто не выскочит из подвала.

Маузер заставил себя подняться, достал КПК, включил. Экран засветился зеленоватым. Когда загрузилась карта, выяснилось, что деревня Гадюкино находится на территории македонцев.

В подвал долго не решались заходить. Вдруг там прячется существо, создавшее иллюзию? Топтались у лестницы наподобие пожарной. Маузер свесился в люк, осветил помещение: голые стены, тряпки, у стены – два темных силуэта в плащах. Голов у них, вроде, нет, сами тощие, лепятся к стене.

– Черт, – выругался он, вскакивая. – Там что-то есть. То ли мутант, то ли одежда, непонятно.

Выудив горсть гравия, он свесился в подвал еще раз, запустил в предполагаемого монстра гравием и шарахнулся к крышке люка, чтобы захлопнуть ее, если тварь вдруг озверевает и нападет. Камешки чиркнули по брезенту и с легким стуком осыпались на пол. Маузер осмотрел комнату, поднял кирпич и уже без опасения швырнул в силуэты. Кирпич глухо ударился в стену.

– Одежда.

Наконец Игарт решил, медленно спустился по железной лестнице, завозился внизу. Никто его пожирать не стал. Тогда Маузер ухватился за бетонный край и спрыгнул.

Валявшейся под ногами веревкой Игарт примотал к лампочке КПК с фонарем.

В подвале было пусто. Под стеной справа угадывалась куча тухлых ящиков, воняющая сыростью и гнилой картошкой, слева на гвозде висело два прорезиненных плаща. Игарт молча взял один из них, расстелил на сырой земле и свернулся калачиком.

– Выключи свет, пожалуйста.

Маузер снял второй плащ, поднялся, захлопнул люк, закрыл его на щеколду и выполнил просьбу. Во тьме он двинулся к стене, ощупывая пол ногой. Лег на плащ и невольно поджал ноги. Сыро, зябко. Так недолго и до простатита...

– Инстинкт самосохранения нам никто не отключил, – поделился он наблюдением. – Значит, умирать нам будет всегда страшно, сколько бы раз нас ни мочили.

– Угу, – буркнул Игарт. Маузер продолжил:

– Интересно, откуда взялся дезертир? Или все-таки наслоение было?

– Черт его знает, – устало проговорил Игарт. – Мне кажется, Зона начала развиваться, и пустоты она заполняет тем, что берет из наших голов. Отсюда и самолет, и парень с автоматом... Вот только одно меня и смущает, и вселяет надежду: никто из обитателей Зоны не помнит прошлое. В памяти Артюхова нет дезертиров. Не твои ли это воспоминания?

Маузер задумался, но ничего похожего не вспомнил.

– Без понятия. Человеческая память – вещь странная. Там много всякого валяется, но достать получается не все.

– Знаешь что? Давай спать. Ну, хотя бы попытаемся.

Маузер молча перевернулся на спину и уставился в темноту. Сомкнул веки, разомкнул – никакой разницы. Бездна.

Интересно, сколько времени прошло в реальности? И как там Ольга?

Очень хотелось верить, что с ней все хорошо, но душу точили сомнения и не давали уснуть.

Реальность. Артюхов

Игнату тогда было десять лет. Друг Пашка рассказал, что если сбросить кота с пятого этажа, с ним ничего не случится, Игнат не поверил, и Пашка решил доказать свою правоту опытным путем. Для этого требовался кот, одна штука.

Подопытным экземпляром выбрали сизую кошку Кашку, которая жила во дворе и перебывалась объедками уже второй год. Зимовала она, забившись между трубами с горячей водой, и доверяла всем, от кого могла перепасть корка хлеба.

Чтобы привлечь Кашку, Павел спер из дома сосиску, раскрошил возле сирени, за которой трубы, и принялся звать. Игнат и Олежка, местный дебиловатый отморозок, топтались поодаль, дурачок ковырял в носу.

Кошка ответила радостным мявом и выскочила из кустов пушистой серой молнией, бросилась жадно поглощать лакомство. Пашка спикировал на нее, сграбастал и усадил за пазуху. Кошка замурчала.

Олежку Игнат опасался, но он был нужен, потому что жил на пятом этаже. Озираясь, поднялись по ступенькам. Олег отпер дверь, и в лицо будто дохнул бродяга – воняло кислятиной, перегаром и куревом.

Кашка за пазухой Павла урчала маленьким трактором. Игнат втянул голову в плечи, ему казалось, что он не в квартире, а на стойбище первобытных людей. Звякнув, покатила по полу опрокинутая Пашкой бутылка.

Олег уже орудовал шпингалетами на балконе, хрипло матерясь. Когда Пашка с Игнатом пришли, окно уже было открыто, Олег свешивался вниз.

– П

еще ей, – он припечатал к подоконнику сигаретную пачку. – Ставлю три рубаса, что сдохнет.

Пашка мотнул головой, почесал веснушчатый нос:

– Не-а. Три рубля, что не сдохнет.

Кашка спрыгнула на пол – лохматый дымчатый шар – чихнула. Пашка взял ее на руки и протянул Игнату, отошел от окна:

– Бросать будешь ты.

– А почему я? – возмутился он.

Олежка ринулся на него, сжимая кулаки:

– Давай, сука, а то я тебя сброшу. Баба!

Игнат, держа кошку на вытянутых руках, выглянул из окна: внизу была клумба – красные головки тюльпанов и желтые – одуванчиков утопали в высокой траве, чуть поодаль пылился бежевый «запорожец» со спущенными колесами. По идее, трава должна смягчить удар...

– Не думал, что ты такой трус, – проговорил Пашка, отряхивая от шерсти куртку и пионерский галстук. – Весь испачкался... Ааа, и брюки тоже. Мамка прибьет.

Олег наступал, грудью уперся Игнату в лицо, схватил его под ребра и усадил на подоконник, счастливо улыбаясь. Толкнул его, придержал и сказал ласково:

– Бросай, ссыкунишко.

Сердце Игната ушло в пятки. Жалеть, что связался с дрянными пацанами, было поздно. Они все равно сбросят кошку, да еще и его отметелят. Пашка говорит, Кашка выживет, значит, выживет. Главное, чтоб никто не видел, что он над животным издевается, а то расскажут маме, потом стыда не оберешься.

Но руки разжиматься отказывались. Висящая над пропастью Кашка возмущенно возопила, царапнула когтями по запястью. Игнат зажмурился и отпустил ее. Она придушенно квакнула, донесся приглушенный хлопок.

Не открывая глаз, он спрыгнул с подоконника, отошел в комнату с черным прокуренным потолком и только там разлепил веки.

Пашка и Олег свесились с балкона, было видно только два зада – упитанный, обтянутый новыми школьными брюками, Пашкин, и тощий, с кривыми латками на выцветших трениках. Приятели молчали, кошка орала благим матом, будто с нее живьем сдирали кожу. Смотреть, что с ней, у Игната не хватило смелости.

- Сдохнет! – радостно заявил Олег. – Зырь, как ее корячит. Гони бабки.
- Нечестно! Она беременная, а надо здорового кота! – возмутился Пашка.
- А если в рыло? Ваше страх потерял?
- Ладно, давай подождем.

Игнат попятился в прихожую и выскользнул на лестничную клетку. Майка прилипла к спине, сердце колотилось молотом о наковальню. Чтобы попасть домой, Игнату надо было пройти мимо Кашки, которая если не мертва, то сильно покалечена. Наверное, котят в ее животе полопались, как шарики, и она точно сдохнет. Он пошел в обход. Дома попытался изгнать из головы ранящие мысли, но они возвращались снова и снова. Он – убил живое существо. Он – убийца.

К вечеру у него поднялась температура, и начался насморк – то ли совпадение, и он просто простыл, то ли от нервов. Всю неделю, пока он болел, ему снилась Кашка. Она приползала на сломанных лапах, с раздробленным черепом, с переломанным позвоночником, приходила, путаясь в кишках, приносила разложившихся котят.

С замирающим сердцем Игнат пришел на место преступления, но труп Кашки не нашел – то ли дворник его убрал, то ли все-таки она выжила. Но на трубах, что за кустом сирени, она больше не появлялась. С Пашкой он после этого больше не разговаривал, даже смотреть на него не мог.

За свою жизнь Артюхов делал много страшных вещей, но воспоминания детства все равно были самыми пугающими.

Теперь, сидя на больничной кушетке, он заново все это переживал. Игарт, побывавший в его сознании, будто отпечатался там, будто содрал с совести броню, которую Артюхов наращивал год за годом. Сейчас ему предстояло заглянуть в глаза жене Маузера, и он готов был под землю провалиться. Ведь он подставил ее мужа, отчасти по его вине Ольгу взяли в заложники. Другого выхода не было, но оголодавшая совесть, проснувшаяся после многих лет летаргии, плотоядно клацала зубами.

Вокруг больницы кружили журналисты, хотели узнать, где же пропал олигарх все это время. В офис «Сигмы» и «Парадиза» со дня на день заявятся менты, Котов наверняка попытается переложить ответственность на генерального директора, и надо срочно замечать следы, но он не в силах об этом думать. В мыслях – Ольга и больше ничего.

Ольгу накачали успокоительным, и она спала в палате, а он дежурил под дверью, спрятавшись ото всех и в первую очередь – от самого себя.

Мимо пробежала постовая сестра с капельницей, посмотрела с интересом, прошествовала в конец коридора, юркнула за дверь, откуда доносились стоны. Стоны усилились, потом стихли. Возвращалась сестра уже без штатива, задержалась напротив Артюхова, открыла рот, но он сказал:

- Мне надо быть здесь. Домой я не поеду.
- Как знаете, – пожала плечами она и зашагала к столу, что в середине коридора, обернулась: – Она проспит до обеда, и вам не помешало бы.
- Помешало бы, – его тон заставил девушку замолчать и больше не настаивать.

Видимо, покинуть пост и при свидетелях заночевать в ординаторской ей не позволяла совесть, вот она и пыталась его спровадить. Артюхов спать не хотел, его тело дрыхло пять

дней, пока разум метался в виртуальной Зоне. Интересно, она отпочковалась как отдельная реальность или погибла? О втором думать не хотелось.

Над головой тикали огромные больничные часы. Медсестра клевала носом над глянце-вым журналом, ее лицо, подсвеченное синеватой настольной лампой, казалось потусторонним.

И вдруг скрипнула, приоткрываясь, дверь в палату. Ольга высунула голову и с трудом сфокусировала взгляд на Артюхове. Держась за стеночку, кое-как вышла и рухнула на кушетку рядом с ним. Медсестра тотчас проснулась, вскочила, прибежала и нависла над ней:

– Девушка, вернитесь, пожалуйста, в палату.

– Со мной все хорошо, – проговорила Ольга пьяным голосом и мотнула головой.

От мощного снотворного она все еще «плыла».

Медсестра уперла руки в боки:

– Сейчас я позову врача...

– Да хоть санитаров! – Артюхов встал, возвысился над ней. – Хоть расстрельную команду! Девушке надо знать правду, так что оставьте нас, пожалуйста. Все будет хорошо, ее здоровью ничего не угрожает.

Медсестра всплеснула руками и удалилась на пост.

– Спасибо. – Оля спрятала лицо в ладонях, закрывшись русыми волосами, словно ширмой. Большой палец левой руки был в лонгете, ладонь плотно забинтована.

Врач говорил, что верхняя часть фаланги болталась на связках, Котову так и не удалось до конца ее отрезать, вернуть ее на место получится, но палец вряд ли будет сгибаться. Бьющуюся в истерике женщину накачали снотворным и отвезли в травматологию.

Пока не потеряла сознание, она постоянно спрашивала, где ее муж. Не об отрезанном пальце думала, не о том, что могла умереть, – о Маузере. Что она в нем нашла? Хорошенькая ведь женщина, даже, скорее, девушка: тонкая, но фигуристая, длинноногая, в лице есть что-то эльфийское – то ли ярко-синие раскосые глаза, то ли тонкий, будто выточенный из мрамора, нос и кукольный подбородок с едва заметной ямочкой. Она не красилась, и в русых волосах виднелась едва заметная седина.

– Что с ним? Где он... Игорь? Ты знаешь? – она подняла голову и посмотрела на Артюхова ошалелыми глазами. – Ты знаешь, – кивнула она и схватила его за руку.

И что делать? Рассказать ей правду или тешить надеждой? Если рассказывать, то с чего начинать? Да и поверит ли она?

– Меня зовут Игнат Артюхов, – начал он, но Ольга его прервала:

– Знаю. Игоря наняла ваша жена, чтоб он вас нашел... Нашел, как вижу. Но где... он сам? И почему у меня провалы в памяти?

Игнат помассировал виски, запрокинул голову. «А вы знаете, Ольга, что ваш муж, скорее всего, умер в этом мире. Зато в параллельном, созданном мной и навсегда запечатанном, он жив. Мало того, он там бессмертен, так что не расстраивайтесь».

– Что же вы молчите? – Ольга притянула его руку к себе. – Он... жив?

– В некотором смысле, – пробурчал Артюхов, освобождаясь. – Но, может, и нет.

Ольга отшатнулась. И тут Артюхова осенило. Не обязательно рассказывать фантастическую составляющую правды.

– Успокойтесь, пожалуйста, – проговорил он мягко. – Этого нельзя сказать наверняка. Маузер вытащил меня из очень нехорошего места, так что теперь я его должник, и потому здесь. Не перебивайте, дослушайте. В моей клинике втайне от меня проводились эксперименты над людьми, я сам стал жертвой такого эксперимента. Маузер все это разузнал, и он теперь... Не исключено, что он просто спит, жизнедеятельность организма поддерживают приборы, а его разум заперт в другом месте.

Ольга вскочила, пошатнулась и села, обессиленная.

– Тише, пожалуйста, – продолжил Артюхов, на ходу и импровизируя и разрабатывая план действий. – Надо поговорить с садистом, который пытался отрезать вам палец, с глазу на глаз. Мне он поведаст то, во что менты просто не поверят, и расскажет, где находится тело вашего мужа. А потом мы вместе поедem к нему. К тому времени вы придете в себя, сейчас вы на ногах еле стоите.

Ольга села, сведя колени и разведя стопы в стороны, как мертвецки пьяная. Переварить услышанное ей было сложно. Игнат повторил:

– Я поговорю с бандитом, потом приеду к вам, и мы вместе заберем Маузера.

Оля улыбнулась, и на щеках залегли трогательные ямочки:

– Спасибо. А то спать не могу – галлю...цинации.

– Давайте я вас провожу.

Артюхов помог Ольге подняться и повел ее в палату, придерживая за плечи. Вторая и последняя кровать скрипнула, огромный холм, накрытый одеялом, про-басил:

– Я устала. Сколько можно шлаться? То вопит, то шляется...

– Молчать! – рявкнул Артюхов.

На нем был белый халат – пациентка приняла его за врача и заткнулась. Ольга легла, счастливо улыбаясь, и попросила:

– Только сдержите обещание... Пожалуйста.

Артюхов кивнул, положил старенький телефон с сим-картой:

– Позвонишь мне. Мой номер в телефонной книге.

Дождавшись, пока девушка ляжет, он удалился. Ведь правда, Маузера можно попытаться достать из Зоны, если его тело живо, а это пятьдесят на пятьдесят. В случае благоприятного исхода, если Фрайб не умертвил тело, велика вероятность, что оно останется в состоянии овоща. Еще никто не проводил обрыв связей, в теории тело должно погибнуть, но так ли это на практике?

Сколько разных «если» – если Зона существует как самостоятельный мир, если тело Маузера живо... Короче говоря, только двадцать процентов, что удастся вернуть Игоря Ковалю. Но сознание вцепилось в надежду хваткой умирающего бультерьера.

Остановившись у входной двери, он мысленно составил план: позвонить Рукастому, допросить Котова, калеными клещами вырвать, где тело Маузера и что с ним. Овернувшись и кивнув медсестре, он вышел из отделения. Отвернулся от сонного парня с фотоаппаратом, сидящего на стуле, направился к лифту. Журналист не узнал Артюхова в белом халате.

В холле, возле ресепшена с заснувшим прямо в кресле охранником, он набрал номер Рукастого, вслушался в длинные гудки. Наконец мент ответил усталым голосом, в котором сквозила обреченность:

– Ну, чего тебе опять нужно? В полчетвертого-то ночи?

– Допросить задержанного Котова. С глазу на глаз.

Долгоруков смолк – видимо, пытался спросонья вспомнить, что за Котов такой. Артюхов помог ему:

– С тем, что резал палец жене Ковалю.

– А-а-а... Бесполезно. Он псих, несет околесицу. Завтра его в дурку переведут.

– Нет, к сожалению, он не псих, и мне нужно с ним побеседовать в интимной обстановке. Слышишь? Очень нужно. В долгу не останусь.

– Прямо сейчас? – вздохнул Рукастый.

– Если сейчас, денег будет больше.

– Ладно. Жди звонка.

Рукастый отключился, и только теперь Артюхов вспомнил об Ангелине, скривился, будто надкусил лимон, и набрал ее по памяти, не надеясь, что она ответит. Но жена сняла трубку:

– Игнат, дорогой, это ты? – прохрипела она.

– Я. Буду поздно, домой не жди, – отшутился он.

– Милый, ну где ты так долго пропадал? Я извелась, честное слово! Почему сразу не позвонил? По новостям передают, что ты жив, показывают тебя с какой-то кобылой...

– Эта кобыла – жена человека, благодаря которому я с тобой разговариваю, – он повысил голос, и жена застрекотала тише:

– Понимаю, я для тебя ничего не значу, но мог хотя бы предупредить? Неужели я не заслужила?

– Дорогая, – проговорил он почти ласково. – Скажи, не наблюдались ли у тебя провалы в памяти? Только честно.

Жена молчала, шумно дыша. Он представил, как она, бледная, с блестящими глазами, тербит прядь платиновых волос, потирает тонкий нос с горбинкой, думая, что бы соврать. Наконец жена ответила:

– Я не употребляла кокс, честное слово!

– Помнишь, я просил тебя никогда не пользоваться линзами дополненной реальности? – наслушавшись тишины, он продолжил: – Выброси их, дура! Иначе я сам приеду и выковыряю их тебе из глаз. Ты – дура, раз не прислушиваешься к мудрым советам. И да, не заслужила...

– Я тоже тебя люблю, – зло сказала жена и бросила трубку.

Артюхов сплюнул на асфальт, позвонил Антохе – водителю и телохрану. Встал на бордюр под фонарем и уставился на свою покачивающуюся тень. Мимо проносились машины, в основном с шашечками, и отражались в черных витринах. Бабочки плясали под плафоном, ожегшись, падали и ползали по асфальту, волоча белые крылья. Почему-то бабочки напоминали Ольгу.

Не дождавшись ответа, Артюхов сбросил, матюгнулся, пообещав устроить Тохе взбучку. Телефон в кармане завибрировал. Звонил Рукастый.

– Игнат? Ты где сейчас находишься?

Артюхов глянул на соседнее здание и продиктовал адрес. Рукастый сказал:

– Отлично. Оставайся на месте, высылаю за тобой машину.

Глава 2

Вторая попытка

Игарт

Как только пересекли границу Македонска, путешествие стало напоминать блуждание по минному полю. Все время останавливались, Игарт посылал ворона на разведку, и лишь после этого продолжали путь. Казалось, что тут скопились не только все местные мутанты, но и чудища из пограничной области, уступившие территорию охранным боевым машинам.

Сейчас ворон реял над заболоченной равниной. Игарт научился использовать его зрение на все сто и вглядывался в подозрительно колышущиеся камыши, как будто смотрел в бинокль. Он не ошибся – там прятался упырь, сливающийся со мхом. А чуть дальше, у границы с лесопосадкой, различил вытянутые тела полуразложившихся умертвий, их было пять штук.

Взмахнув крыльями, он тотчас нащупал восходящий поток и, описывая спираль, устремился вверх. Лесопосадка отдалилась, и вот уже видны поля, поросшие бурьяном, со свечками тополей вдоль нитей дорог, серые крыши небольшой брошенной деревеньки.

Игарт сфокусировал взгляд: на площади возле центрального здания, свернувшись калачиками, спали собаки. Он насчитал семь, наверняка где-то прятались остальные.

Голос Маузера вернул его в тело:

– Что там?

Игарт вздрогнул, еле устоял на ногах – он все еще покачивался в воздушных потоках. Черты лица Маузера заострились, как у тяжелобольного, отвратная татуировка на скуле, маскирующая шрамы, проступила четче. Химера скалилась и зыркала злобно, словно передавая все, что творится в его душе.

– Хреново. Упырь, умертвия, псы.

Маузер криво усмехнулся и сказал:

– Не лучше, чем стая кенгов и обитель колоссов. Это мир не для жизни – для выживания. Надо же такое придумать.

– Сразу видно темного человека. – Игарт смотрел вперед, но идти не решался. – Игрушка такая была в пору твоей юности, не помнишь разве? С точками? Культовая игра. Каждый уважающий себя пацан в нее резался, кучу книг тогдашние писаки наштамповали. Потом все заглохло, а Фрайб с Артюховым вытащили ее из забвения, немного изменили и вдохнули жизнь.

– Что-то припоминаю, – кивнул Маузер. – Но мне не до того было.

– Чё, трудное детство, деревянные игрушки?

– Спортивный интернат. Ты лучше этот мир знаешь, вот и подумай, что нам дальше делать. Мы ж реально не дойдем до завода без оружия.

– Неподалеку македонская деревенька «Ежи», у меня там знакомые. Попробуем что-нибудь намотить, тогда попроще будет. Или группу сопровождения наймем, на заводе расплатимся.

Маузер вскинул брови, представляя македонцев, его перекосило, но он взял себя в руки.

– Ладно. Веди. Если что – отобьемся.

– Не бойсь, они мирные.

– Мирные тут не выживают. Будем надеяться, что на заводе нас все еще ждут.

* * *

На подходе к перевалочным базам и обитаемым поселкам мутантов всегда было меньше, страшнее псов и кабанов никого не попадалось. Так специально задумывалось, чтобы нубы могли относительно безболезненно прокачиваться, выполняя простенькие квесты. Сейчас все изменилось, нубы больше не появлялись, а места, где бродяги могли передохнуть после трудных походов, никуда не делись.

Когда до «Ежей» осталось с полкилометра, ворон заметил тянущийся к небу густой черный дым. Потянуло гарью. Пет замахал крыльями, устремился к деревне и вскоре увидел ее. Точнее, все, что от нее осталось. Насколько он помнил, она утопала в лесу, окруженная зарослями сирени. Сейчас на ее месте чернело пожарище. Дома пожрал огонь, остались лишь закопченные куски шифера да печи, тянущие к небу трубы. Пожар отгорел, лишь коптили обугленные головешки.

Жестокий мир Зоны жил по правилам, не похожим на законы реальности. Если во время разборок напасть на поселение и перебить жителей, за это даже будут мстить. Агрессоры истребляли врагов, но никогда не уничтожали постройки. Исключение – настоящая война, как между группировками «Ветер» и «Зона».

Но кому помешали македонцы? Они всегда жили обособленно и старались не вступать в конфликты. По пепелищу неприкаянными духами бродили жители поселка. Хозяйка бара, заламывая руки, голосила над развалинами. Из лесу выбрались еще двое – лысый и темноволосяй. У этих были автоматы и гранаты на поясе.

Лысый принялся орать, жестикулировать, и вокруг него постепенно собралась толпа. Ворон замахал крыльями интенсивнее, спикировал на коричневые опаленные кусты сирени, уселся и приготовился внимать.

– Зачем им это нужно? – владелица бара скрестила руки на груди. – Как раз таки черным выгодно, чтобы мы мочили друг друга.

Слово взял лысый – давешний знакомый Коротков:

– Знаю, вы мне не доверяете, – он приложил руку к груди. – Тот, кого вы покрывали, так называемый избранный, пришел сюда не для того, чтобы открыть дверь в Большой мир, а чтобы уничтожить Зону, потому что она опасна для их мира, понимаете? Как раз таки черные помешали ему. Точнее, один человек, Лео Фрайб. По правилам Большого мира мы, наши отношения друг с другом – аморальны, нас не должно быть. Мы – опухоль на теле реальности. Они хотят установить свои правила.

Черноволосяй его напарник, спокойный, как удав, кивнул:

– Он прав. Эти люди даже начали сооружать себе базу на лакокрасочном заводе, у них такая крепость, что сходу ее не возьмешь. Но ничего, настанет и их время. Мы имеем право быть.

– Да с чего вы взяли, что именно пришельцы на нас напали? Что, им больше нечем заняться? – крикнул молодой македонец из толпы.

Брюнет ответил настолько бесстрастно, что Игарт заподозрил, что он – воин Фрайба, переодетый в камуфляжную форму.

– Доказательства у вас будут. Сейчас Лео ведет переговоры с Борисом, думаю, результаты не заставят себя долго ждать. Не переживайте, в выигрыше будут все.

Маузер, караулящий тело, заждался и принялся тормозить Игарта. Пришлось покидать ворона.

– Чего ты так долго?

Игарт потер веки и ответил:

– Накрылся наш план медным тазом. Деревню сожгли и теперь валят все на нас, агенты Фрайба вербуют македонцев.

Маузера перекосило, он принялся мерить шагами поляну.

– Известная практика: взрываем союзника, переводим стрелки на врага – и дружба навеки. Если надо разбомбить ни в чем не повинную страну, сами у себя устраиваем теракт, сваливаем на неугодных...

– Именно, – кивнул Игарт. – Придется тут задержаться, надо понять, чем дело кончилось.

Пока он разговаривал с Маузером, подул ветер, и тлеющие головешки забора, возле которого сидел ворон, вспыхнули – пернатому чуть хвост не опалило, он каркнул и как раз перелетал поляну, когда Игарт взял его под контроль.

Птица дернулась в полете и чуть не рухнула на голову Короткову, но выровнялась и полетела дальше. Хорошо, что все были сосредоточены на прибывших и не обратили на нее внимания.

Теперь Игарт уселся на трубу печи. Коротков и черноволосый стояли к нему спиной, зато была видна владелица сгоревшего бара со скептической улыбкой на лице.

– То есть каждый сможет воспользоваться Комнатой желаний? – с недоверием проговорил все тот же скептически настроенный македонец. – А если я пожелаю вернуться в Большой мир?

– Желания должны быть разумными, – терпеливо ответил переодетый черный.

Игарт заметил, что поведение Короткова изменилось: если раньше он напоминал шакала из «Маугли», то теперь больше походил на Каа. Это неудивительно: сейчас Коротков – обычный бот, а раньше им управлял Котов.

– Здорово новенькие хвост чернозадых накрутили, – хозяйка бара сложила руки на груди. – Чтобы получить что-то, надо чем-то пожертвовать. У вас есть жертвенный алтарь или Комната берет то, что посчитает нужным?

– Все по вашему согласию, – сказал черноволосый. – Оставайтесь тут и ждите вестей. Нам пора дальше.

Он развернулся и зашагал из поселка, Коротков распрощался с сельчанами и поспешил за ним. Ворон перелетел на другую трубу, поближе к толпе, чтоб слышать, о чем они говорят. Барменша сплюнула в пепел.

– Кто-нибудь помнит, что за люди на нас напали? Вы их видели? Меня заперли в моей каморке и подожгли. Кто на стреме стоял?

– Я, – вперед выступил невысокий коренастый сталкер, похожий на испанца. – Ничего не предвещало беды, я уже рассказывал. Они напали внезапно, взорвали ворота, а дальше вы знаете. Все умерли.

– У меня есть, что сказать, – испанца оттеснил молодой красавчик с длинными золотистыми локонами, прямо Лель.

– Они меня не добились, я притворился мертвым. Они говорили, что пора возвращаться на завод, пока их не засекли, снаряжать отряд для переговоров и валить все на черных.

Игарт захотел выругаться, но получилось приглушенное «Кра-кра». Фрайб все верно рассчитал: не добил парня, подкинул ему дезу и одновременно послал делегацию в столицу, чтоб договариваться о мире и сотрудничестве. Ему ясно, что он тут навеки, потому надо взять под контроль как можно больше людей. Если перевес будет на его стороне, то жизнь Игарта превратится в ад, на них с Маузером начнется настоящая охота.

Случись такое в реальности, люди сразу вычислили бы схему: зарежь своих – подставь врага, жители Зоны не так искушены в интригах, и не исключено, что купятся.

– Все равно я не доверяю черным, а уж Короткову – и подавно, – упорствовала женщина. – Я против, если что.

– Да кто тебя спросит? – махнул рукой коренастый рыжий сталкер. – Решат, прикажут, и никуда ты не денешься.

– Это мы еще посмотрим...

– Не согласишься – пойдешь к натуралам, они тебя живо научат уму-разуму...

Не рассчитывая услышать ничего важного, Игарт отправил птицу вслед за Коротковым и его напарником, ворон быстро догнал их. Если они не изменят направления, то пройдут метрах в двадцати от Маузера через восемь минут. Оставив ворона следить за ними, он вернулся в тело.

Привалившись к стволу, Маузер жевал хвоинку. Заметив, что Игарт вернулся, выплюнул ее и подался навстречу. Игарт обнаружил себя сидящим, прислоненным спиной к засохшей сосне. За шею больно щипал муравей, разбитый нос пульсировал.

– К нам идут двое черных, оба с автоматами. Скоро будут там, – он махнул на березовую рощицу. – Главный македонец сейчас беседует с Фрайбом, и, скорее всего, они подружатся. Народу по фигу, есть недовольные, но немного.

Маузер потер ладони и сверкнул глазами:

– Попытаемся взять? Я о тех двоих, с автоматами. Мне кажется, оружие нам нужнее.

– Не стоит. Тогда Фрайб узнает, что мы здесь, это раз. Два, у нас даже ножа нет...

– Не узнает, я рожу заматаю, а ты с носом-картошкой на пол-лица на себя не похож. Кстати, это несложно обыграть. Дескать, помогите, люди добрые, пришли чужие, наших быют. Я издала изображу чужого, а ты, пока они сосредоточат внимание на мне, перережешь им глотки их же оружием. Справишься?

– Должен. У меня заложен определенный уровень ловкости и удачливости, Артюхов не пошел бы в Зону не прокаченным персонажем.

– Пусть Фрайб думает, что это ограбление. Македонцы из села безоружны, вот и согрешили. Знать бы еще, где они конкретно пройдут...

– По тропке. Идем туда, скоро они уже появятся.

У Игарта вспотели ладони, Маузер же воссиял, сделал стойку, как охотничий пес, завидевший дичь. До нужной тропинки оставалось метров пятнадцать. Спрятались за мшистым пригорком в березовой роще. Едва заметная тропинка отделяла ее от сосняка и терялась в густой крапиве.

Игарт ненадолго взял контроль над вороном, а, вернувшись, заметил силуэты впереди, за белыми стволами. Маузер хлопнул его по спине, Игарт поднял сжатый кулак и рванул наперерез черным. Услышав шум, они остановились и взяли под прицел бегущего человека. Игарт поднял руки, чуть замедляясь, и прокричал срывающимся голосом:

– Помогите! За мной гонятся! – испуганно обернулся.

Маузер затрепал ветками, заорал свирепо:

– Стоять... гомосятина! Гнида... Да я тебя ща ур-р-рою!

– Помогите! – снова обратился он к Короткову, шмыгнув разбитым носом, указал на мшистый пригорок, где мелькнул Маузер. – Стреляйте по нему, что же вы!

Короткими перебежками Игарт приближался к черным. Коротков держал его под прицелом, а его напарник заинтересовался Маузером, шагнул к нему, пригнувшись, и выстрелил наугад.

– Все забрал, – пожаловался Игарт, сокращая расстояние. – Избил, и все ему мало, садист проклятый.

Видимо, сизый нос в пол-лица убедил Короткова, он ослабил бдительность и навел ствол на холм, где скрывался Маузер. Игарт шел к предателю, разведя руки в стороны, затравленно озирался. На поясе врага – те-сак, граната, автомат в руках. Ближе. Еще ближе. Зайти справа...

Дальше тело действовало само: два молниеносных выпада – выхватить тесак, ударить по горлу. Коротков защитился рукой и получил рассечение предплечья. Игарт ухватился за

ствол автомата левой рукой, опустил его вниз, правую с тесаком занес для удара – Коротков выпустил оружие и снова поднял залитое кровью плечо. Игарт вырвал автомат, резанул по плечу и одновременно ткнул прикладом в солнечное сплетение.

Коротков сложился пополам. Игарт с автоматом пригнулся, прячась за него, – пули, выпущенные вторым черным, прошли над головой – и скосил врага очередью из-за поверженного Короткова. Убедившись, что черный бьется в агонии, прицелился в лысого коротышку:

– Извини, брат, мне просто нужно твое оружие. Ничего личного.

Глядя на празднично-белые березы, он нажал спусковой крючок. Перевернул дергающееся тело на живот, снял патронташ, отцепил гранату, ощупал карманы и радостно присвистнул, обнаружив в подсумке датчик аномалий. Собрался уже идти к Маузеру, но вернулся за ножнами и заодно вытер тесак о куртку трупа.

Тем временем Маузер, сложив награбленное в сторонке, примерял бронежилет.

– Советую сделать так же, – сказал он. – Неизвестно, с чем мы столкнемся.

Но на Короткове броника не оказалось, только окровавленная разгрузка с тремя пулевыми отверстиями: на животе, в районе солнечного сплетения и напротив сердца. Снимать ее Игарт побрезговал, еще раз обыскал карманы трупа и в одном из них нащупал пачку сигарет. Вот Маузер обрадуется, а то у него, наверное, уже ломка, скоро распухшими ушами за ветви цепляться будет.

– Сработано блестяще, – оценил Маузер, собирая трофеи.

Автомат он осмотрел, вынул магазин, пересчитал патроны, кивнул удовлетворенно.

– Маузер, – проговорил Игарт вкрадчиво. – Готов ли ты продать душу за пачку сигарет?

– Это вопрос или предложение?

– Какая разница. – Игарт сунул руку в карман и сжал пачку.

– Если вопрос, то нет, если предложение, давай обсудим подробнее.

– Лови!

Пачка «Кэмела» описала в воздухе дугу. Маузер поймал ее, открыл, зубами вытащил сигарету, прикурил и мечтательно зажмурился:

– Черт, а жизнь-то налаживается. И ты, как выяснилось, боец ничего себе. С двух рук стреляешь мухе в глаз?

– Ага, и шмеля на лету кастрирую. Давай топать на базу, а то про нас там забудут и выберут новых командиров.

* * *

Сразу на завод не пошли. Притаились в лесу, где когда-то сидели в засаде сталкеры группировки «Ветер». Маузер смотрел в трофейный бинокль и кривил губы. Игарт только что вернулся в тело. Пораженный увиденным, он некоторое время молчал.

Подступы к развалинам защитной стены завалили трупы мутантов, во дворе и возле пирамиды вообще не было видно земли – мутанты вперемешку с людьми лежали в два слоя. Кровь уже успела застыть и потемнеть.

Защитники все-таки устояли и сейчас, ругаясь на все лады, оттаскивали трупы подальше от пирамиды. Пять сталкеров стояли по пояс в яме и синхронно, будто черные, вскидывали лопаты, выбрасывая землю. Одной ямы не хватило бы, чтоб закопать все трупы, потому еще десять человек рыли небольшой котлован ближе к лесу.

«Сюда бы бульдозер», – подумал Игарт и вспомнил охранный механизм, который доставил их в логово Фрайба.

– Отличный у нас все-таки ДОТ, – нарушил молчание Маузер. – Но час от часу не легче... И еще я вижу ветровцев, они нашим помогают, это радует.

– Даже если они нас поддержат, когда Фрайб предложит бесплатные плюшки, нас будет слишком мало, и пирамида спасет нас ненадолго...

– Не помнишь площадь Зоны? Так, навскидку?

– Километров сто. Затеряться будет трудно. Чтобы отбиться от Фрайба, нам нужно какое-нибудь мощное оружие...

Маузер помотал головой и вздохнул:

– Знаешь, почему немцы брали штурмом наши неприступные батареи во время войны? Не потому, что стены тонкие, все укрепления остались почти целыми. Боеприпасы заканчивались, и враги пускали газ. Надо искать другой путь: дипломатия, ложь и интриги. Увы, в этом у меня опыт небольшой, не умею с людьми договариваться.

– Я бы не сказал... Пойдем к нашим, что ли? Не хочется трупы таскать, а придется.

Закинув автомат за спину, Маузер покинул лес и зашагал к заводу: муравей, ползущий к стальному монстру. Издали завод по-прежнему напоминал живое существо, медленно движущееся в мареве испарений.

У Маузера дергался уголок века, он был напряжен и подтянут, будто не к союзникам идет, а на заклатие. Игарт понимал, почему.

Похожее ощущение, когда через много лет возвращаешься, как Одиссей, а у тебя ничего не осталось: друзья предали, а в постели жены – другой. Македонцев Фрайб уже склонил к сотрудничеству, пока они с Маузером бродили по лесу. Скоро этот псих займется «Зоной» и наверняка пообещает уничтожить группировку «Ветер». Останутся свободные охотники, «Ветер» и горстка защитников крепости.

Чтобы стереть врагов с лица земли, Фрайбу понадобится неделя-две. Крысы с корабля побегут, когда поймут, что их дело проигрышное и надо поскорее прикрывать зады.

– Мы превратимся в крыс, – проговорил Маузер, шагающий впереди. – Понимаешь? Нас будут гнать, гнать, гнать тысячи лет подряд. И восставать будет некому, потому что каждого, кто пришел на поклон, Фрайб не поработит, как черных, а поставит красные флажки, через которые никак не перешагнуть. Велит почитать себя, как бога, и не иметь других кумиров. Человек получит за это миномет и будет думать, что искренне любит Фрайба и готов за ним хоть куда. А мы... Кто мы такие, чтобы рвать ради нас задницу? Даже когда человек сражается под чьим-то знаменем, он в первую очередь бьется за себя, за свое право быть.

– То есть, ты предлагаешь донести до народа, что дары Фрайба, Комната желаний и прочее – бесплатный сыр?

– Именно. Но как это сделать, без понятия. Потому что плюшки будут вполне реальные, а наши пугалки так, пшик. Обычный блеф менее удачливого конкурента.

Игарт поймал себя на мысли, что Артюхов несправедливо считал Маузера тупым воякой.

Завод медленно приближался. Защитники пирамиды, утомленные многочасовым сражением и разгребанием завалов, пока не замечали командиров. Маузер продолжал:

– Поймать Фрайба на лжи будет трудно, потому что он реально осчастливит своих приспешников. Как в секте: приходит человек, который ищет путь, но не способен отыскать его сам. И ему этот путь дают, отсекая все ненужное – в том числе куски его личности, друзей, родственников, родителей, детей, не согласных с выбором родителя, – в его голосе звякнул металл. – Окружают его вниманием и заботой, как свинью перед убоем. Человек счастлив, он считает, что нашел правильный путь, друзей, но на самом деле не он нашел, а ему дали путь, взяли за ручку и повели. Казалось бы, все хорошо, но повели его не туда, куда нужно ему, а туда, куда они считают правильным. Поэтому я их ненавижу. Они лишают людей выбора.

– Печальный опыт? – догадался Игарт.

Маузер зыркнул на него злобно, но ответил:

– Мать. Увлечлась новомодной пиндосской религией, а там мозги промывают и подсаживают ложные воспоминания. Квартиру им переписала... А чего, счастливый человек, ходит, и всем улыбается.

– Н-да.

Игарт подумал, что полжизни отдал бы за прошлое, пусть даже неблагоприятное, пусть придуманное. Ведь он по сути пустой болванчик, не книга – шкаф, где хранится единственная история жизни Артюхова.

– Стой, кто идет! – крикнули издали.

Маузер поднял руки, но не остановился:

– Отбой тревога! Свои!

Десять человек, рывших котлован, побросали лопаты и вцепились в автоматы. Маузер продолжал идти им навстречу. Когда приблизился метров на двадцать, его узнали, опустили стволы, загудели. Маузер молча переступил через труп кенга, подошел к ним и застыл возле упыря с развороченной башкой.

– Молодцы, мужики, – одобрил он работу союзников, уселся на гигантскую лапу дохлого колосса и закурил.

Окружившие его люди молчали. Наконец сталкер, который его заметил первым, чернявый юноша с грустными «коровьими» глазами, спросил:

– Как переговоры?

Маузер смерил его взглядом и промолчал. На выручку пришел Игарт:

– Надо срочно созывать собрание. Хоронить мертвецов будем потом.

Люди с радостью побросали лопаты, обступили вновь прибывших. Маузер прищурился от дыма и сказал:

– Готовьтесь, скоро не останется никого, только Фрайб и его куклы, которые будут думать, что свободны.

– Для этого они должны нас поймать! – с пылом воскликнул уже знакомый курносый юноша, бывший черный. – Я больше не хочу, как раньше!

– Что там у вас? – поинтересовалась вторая трупная команда.

Маузер поднялся, хлопнул в ладоши:

– Мы вернулись, и у нас есть новости. Откладываем похороны и собираемся в кабинете... В помещении побольше, чтобы все поместились.

Вопросы сыпались градом: почему напали черные, что будет дальше, чего хочет Фрайб. Маузер отмахивался, переступая очередной труп, Игарт говорил, что ответит на все вопросы позже, чтобы не повторять одно и то же по двадцать раз. Он послал приказ ворону лететь на верхушку пирамиды, где сиял на солнце кристалл, и отсиживаться там. Птица, как и он сам, страдала от голода.

Маузер матерился, спотыкаясь о трупы. Воняло, как в мясозаготовительном цеху. Во дворе никого не было, все или толпились вокруг крепостной стены, обвалившейся в трех местах, или отсиживались в пирамиде.

Сталкеры, что работали на улице, сейчас ломились за Маузером и Игартом. Остальные глазели из бойниц, еще не понимая, откуда такой переполох. Когда известие, что командиры вернулись, дошло и до них, навстречу выбежал Януш. Теперь, пользуясь памятью Артюхова, Игарт сравнил его с Бредом Питтом – таки да, похож! Обменялись рукопожатиями, Януш кивнул Маузеру, а тот развел руками и зашагал на один из пустых складов, поманив за собой Игарта и шагающую позади толпу.

– Надо собрать всех, – сообщил он. – И обсудить проблему.

Гулкий бетонный коридор, озаренный синеватым светом люминесцентных ламп, наполнился гулом и топотом. Маузер шел широкими шагами, его спутанные черные волосы разве-

вались, автомат хлопал по спине, подгоняя. Наконец он остановился напротив стальной двери, щелкнул пальцами, и Януш вложил в его руку пластиковую карточку для электронного замка.

Створки с легким свистом разъехались, и Игарт вслед за Маузером переступил порог совершенно пустого, еще не убранного помещения с высокими потолками. Пол усеивали оторванные этикетки, целлофановые обертки и щепки от развалившихся ящиков.

Маузер прошествовал до противоположной стены, привалился к ней спиной и согнул ногу в колене, скрестив руки на груди. Он встал ближе к углу, предоставив место в центре Игарту.

Игарт растерялся. Артюхов любил власть, ему нравилось быть в центре внимания. Что нравилось Игарту, он и сам не мог понять, ему было всего несколько дней, его создали под этот мир и бросили в круговорот событий. По сути, уступив ему место, Маузер поступил правильно, потому что его, Игарта, люди считают избранным, если они и пойдут за кем-то, то за ним. Но сможет ли он их повести за собой?

Чтобы обезопаситься, Артюхов создал совершенного убийцу и вселил в него разум идеального судьи. Что это, если не издевательство?

Игарт вздернул подбородок и расправил плечи – нельзя показывать слабинку. Он – вождь, и должен соответствовать.

Между тем зал наполнялся людьми. Они, как и Маузер, не стремились в первые ряды, занимали места возле стен. Игарт представлял многоступенчатую пирамиду, которую цифровой клон Фрайба сделал похожей на муравейник, представил, как люди стекаются сюда по узким коридорам.

Зал гудел. Сотни глаз были направлены на Игарта. Кто-то смотрел со скепсисом, кто-то – с надеждой, большинство же – с равнодушной усталостью. Равнодушным все равно, кому служить и кем быть, лишь бы сладко спать и сытно есть, они уйдут первыми и, уходя, попытаются предать.

Януш, стоящий слева, шепнул на ухо:

– Я провел перепись. У нас триста сорок два человека. Плюс сорок ветровцев, которых перебили по пути сюда, они воскресли неподалеку и решили вернуться.

– Ты пересчитывал народ после побоища?

– Нет, погибло человек тридцать, остальные в пирамиде отсиживались. Да и не до того, как видишь.

Из толпы крикнули:

– Командир, харэ шептаться!

Игарт попытался взглядом отыскать говорившего – не смог. Люди едва поместились в просторное помещение и стояли плотно, соприкасаясь друг с другом. Первый ряд был в двух метрах от него и сходил к углам полукругом – бояться избранного, сторонятся. Не понимают, что нечего бояться, он отличается только тем, что вмещает знания Артюхова.

Седовласый сталкер с бородой, опершийся на лопату, спросил басом:

– Прежде чем напасть, черные говорили с нами. Они сказали, что избранный уничтожит этот мир. Я уж грешным делом подумал, что они правы. Но, видимо, нет. Итак, вопрос: зачем ты здесь?

По спине Игарта скатилась капля пота, он сжал кулаки, заставил себя снисходительно улыбнуться и напомнил то, о чем уже говорил:

– Я и Фрайб, глава черных, создали Зону. Я спонсировал... Дал деньги, чтобы его... Чтобы он ожил. Я хотел потом сюда уйти навсегда, потому что смертельно заболел, а умирать не хотелось. Да, там умирают навсегда: человек в мучениях засыпает, и все. И чернота. А еще там стареют, покрываются морщинами, внутренние органы начинают отказывать и наступает смерть, – он осмотрел вытянувшиеся лица слушателей и продолжил: – Но я выздоровел, а созданный мир остался. И остались тысячи смертельно больных людей. Перед смертью они

давали согласие, чтобы переселить сознание сюда, выбирали себе тело и имя. Половина из вас так же выглядела... при жизни, остальные совершенно на себя не похожи. Отвечал за переселение Фрайб, который, оказывается, стирал вам память. Он имел свои планы на Зону и на вас, со временем вы все должны были стать бессловесными куклами, как черные. Таких вас Фрайб рассчитывал отправить в реал для своих дел...

– Так чего он всех нас не переделал? – удивился сталкер с дредами, который в прошлый раз больше всех возмущался.

– Ему необходимо ваше согласие, иначе ничего не получится. Вы просто сойдете с ума. Теперь ему нужны не марионетки, а верные союзники. У него есть Комната желаний, она и правда работает. Но когда вы желаете, устройство внедряется вам в сознание и ставит незаметную программу. Вы о ней не знаете, даже близкие не замечают перемен. Но когда Фрайб позовет вас, вы не посмеете послушаться. Мало того, вы с радостью побежите на зов.

Из толпы выкрикнули:

– Мы и раньше знали, что Фрайб – трепло.

Игарт покосился на Маузера. Тот отлип от стены и, поведя плечами, сказал:

– Это не все. Фрайб уже склонил на свою сторону македонцев, потому что сам, как выяснилось... Они близки ему по духу. Сейчас, скорее всего, он ведет переговоры с «Зоной», обещает главарям золотые горы. Единственное, что пообещаем мы – что будем биться до последнего за право оставаться собой.

В зале оживленно загудели.

– Вольные охотники за ним не пойдут!

– И поселенцы, как Крис, Борода и Доктор!

– И девки наши полоумные!

Последовали стандартные вопросы: можно ли вернуться в Большой мир, как там живут, что теперь будет, как создали Зону. На все эти вопросы терпеливо отвечал Маузер. Странно, но все его слова принимались на веру, никто не противоречил. Наверное, потому, что тут были живые свидетельства – бывшие черные, которые ни за что не хотели бы снова попасть под власть Фрайба.

Но ни македонцы, ни воины клана «Зона» их не видели, и тут уж, как говорится, кто первый, того и тапки. На их месте Игарт сам долго думал бы, прежде чем принять решение.

Когда вопросы иссякли, Маузер хлопнул в ладоши:

– А теперь, господа, приступим к уборке. Жарко, трупы начнут гнить, и разовьется эпидемия. Когда закончим, снова собираемся здесь. Накопилось множество вопросов не первоочередной важности.

Толпа устремилась на выход. Игарт, Маузер и Януш, молчавший все это время, ждали. Януш выглядел больным: на лбу выступила испарина, он все время потирал висок. Игарта беспокоили насущные проблемы: нужно было уколоть себе регенератор, потому что расквашенный нос нестерпимо болел.

Подождав, когда за дверью исчезнет последняя спина, Януш потянул Игарта за рукав, свел брови у переносицы.

– Подожди. Кажется... – он сжал голову. – Или Фрайб испытывает оружие, сводит нас с ума... Да, наверное, так и есть. У меня галлюцинации.

Маузер прищурился, заглянул ему в лицо, словно собирался прочесть там диагноз:

– Хочешь поговорить об этом?

Януш воровато огляделся и сказал:

– Такое почти у всех наших, каждый списывает на переутомление. Короче говоря, в голове появляются картинки. Город-улей, весь из стекла, дорога, стоят машины, я в машине, фонари слепят. Много людей на тротуарах, все странно одеты. Или вот еще: комната, больнич- ный бокс. Мне больно. Надо мной склоняется человек в белом, светит в глаз, просит потер-

петь, – он скривился. – А еще он обращается ко мне – называет Лёшей. Все, говорит, будет хорошо, Лёша, а я... то есть Лёша, понимает, что он врет, и такая тоска, хоть в петлю лезь. Что это?

Маузер вытаращил глаза, отошел на два шага и ухмыльнулся:

– Вы, батенька, здоровы. Просто, похоже, начали вспоминать свою жизнь в Большом мире.

Януш выдохнул:

– Значит, я не чокнутый. Но почему мы начали вспоминать? И не свихнемся ли в процессе?

– Не знаю, – пожал плечами Маузер. – У меня такой проблемы нет. Одно радует: скоро вы перестанете задавать дурацкие вопросы.

Игарт подумал, что один он никогда ничего не вспомнит. Даже у каждого бота есть своя история и память. Крис, добро с кулаками, будет и дальше бродить по лесу, искать новеньких и помогать им. Со временем, убедившись, что новеньких нет, осядет в Гавани и займется торговлей. Его одноглазый приятель как сидел в углу бара над ящиками с патронами, так и будет там сидеть, потому что патроны нужны всегда. Они уверены, что являются живыми людьми, как и все остальные.

* * *

Наспех пообедав, Маузер и Игарт отправились во двор не столько закапывать трупы, сколько подбадривать народ. Игарт всматривался в лица сталкеров: многие были задумчивы и напуганы. По иронии судьбы люди, отсеченные от родины, начали вспоминать свое прошлое. Нужно будет поговорить с ними, успокоить...

Между лопатками зачесалось, будто кто-то смотрел в спину. Игарт запрокинул голову: в белесом небе, чуть севернее завода, парил ястреб Фрайба.

Москва. Артюхов

Пробок в Центре в столь поздний час не было, и белый неприметный «фольксваген» с тонированными стеклами доехал до места назначения менее чем за полчаса.

Артюхов сидел между двумя коротко стриженными парнями в серых костюмах. Парни изо всех сил старались не зевать и выглядеть бодро. Вспоминая веселенькое время, когда его задержали и чуть не упекли в тюрьму, он невольно поеживался. Тогда за ним пришли такие же ребята, от этих они отличались только кроєм пиджаков.

Их будто специально подбирают одинаковых. Или клонируют. Они похожи не на людей – на киборгов, у которых нет своей воли. Сегодня им приказали сопровождать и охранять человека, не исключено, что завтра велят его доставить в КПЗ.

Он уставился на дорогу, залитую золотом фонарей, на мелькающие витрины, отражающие свет фар, на редкие авто, шарахающиеся в сторону от машины с мигалками. Чтобы не привлекать внимания, даже номера «фольксвагена» были обычными.

Повернули в Никитский переулок, выехали на узкую дорогу и остановились под знаком «парковка только для сотрудников ГУ МВД». Парень справа вылез, открыл дверцу:

– Выходите, господин Артюхов.

Игнат вылез, с хрустом потянулся. Водитель уже направлялся к белому, с квадратными окнами зданию Управления. Нажал на кнопку – звонок взревел так, что сразу на трех этажах зажегся свет. Не дожидаясь, пока откроют, он воспользовался магнитной картой, кивнул, приглашая Артюхова.

Остановились в тесном боксе с бронированными дверями, пучеглазый охранник за стеклом подался навстречу, желая то ли оформить вновь прибывшего, то ли потребовать его документы, но водитель поднял руку, и он подался назад. В его рыбьих глазах не мелькнуло ни эмоции.

– Саныча вызывай, – скомандовал один из серых пиджаков.

Рыбий глаз уже собрался говорить в коммуникатор, но бронированная дверь распахнулась, и вошел невысокий, головастый, с залысинами мужчина в бежевых ботинках на высокой подошве. «Утенок, – оценил его Артюхов. – Только башка и здоровенные ласты. Умный, наверное. И быстрый». Утенок задрал голову, и впечатление рассеялось: у него были глубоко посаженные стальные глаза убийцы. В свое время Артюхов посмотрелся в похожие глаза.

Странно, но, побывав в Зоне, повращавшись среди людей, которых создал компьютерный код, он стал и в реальности видеть в некоторых людях программы, потому что они выглядели менее настоящими, чем обитатели Зоны. У них была функция – и не более того.

– Пройдемте, – проговорил он ледяным тоном и направился к двери. У выхода обернулся: – Только Игнат Артюхов, остальные останутся здесь.

* * *

Котова содержали в камере без окон, похожей на аквариум: квадратная, серая, освещенная люминесцентными лампами, между коридором и камерой – железная клетка предбанника.

Кто к нему пришел, Котов не видел – в коридоре было темнее, чем в камере. Шагов он тоже не слышал – от коридора его отделяли два огромных пуленепробиваемых стекла.

Зато Артюхов мог рассматривать его, как таракана в банке, и наслаждался зрелищем сполна: пухлый Котов сидел на лавке под лампой, понурившись, и растирал себя руками – озяб, бедняжка. На голубой рубашке с короткими рукавами, возле подмышки, виднелось красное пятно Олиной крови. Серый, невзрачный, с толстым задом и не пузом даже, пузиком – типичная офисная тля. Он и внешне походил на тлю, которой муравьи отгрызли крылышки.

Верный соратник Фрайба, бледная репродукция человека. Зачем гению личности? Ему нужны такие вот бесцветные исполнители, выгодно его оттеняющие.

– У вас двадцать минут, – равнодушно сообщил Саныч прежде, чем открыть дверь. – Задержанный невменяем и, скорее всего, опасен. Я дежурю здесь, с парализатором. Задержанного не калечить.

Артюхов вошел в клетку. Котов вскинул голову, прищурился, силясь разглядеть посетителей. Когда понял, кто к нему пожаловал, вскочил, крабиком двинулся вдоль лавки, забился в угол и заверещал:

– Позовите адвоката! Мне нужен адвокат! Этот человек... угрожает моей безопасности!

Открылась вторая дверь, Артюхов остановился в середине камеры, скрестил руки на груди и оттопырил губу:

– Ах ты Джек-Потрошитель недоделанный, тля бледная. Нет заступничка, да? Теперь придется разговаривать с суровыми дядями в тюрьме. Сядешь ты надолго, а они годами не видели женщин. Впрочем, тебе не привыкать.

– Что вы хотели, Игнат Кириллович? Вы ведь по делу.

Смотрит, как собака, которая стянула мясо со стола, но подлизывается, хвостом виляет. Все-таки лицезреть раздавленного врага – неопишное наслаждение.

– Я хочу, во-первых, отрезать тебе все пальцы. Когда кончатся пальцы на руках, займусь ногами. Ты когда-нибудь видел, как свежуют козу? Я подвесил бы тебя вниз головой, подождал, когда хлынет носом кровь, сделал надрезы на ногах и начал медленно сдирать кожу. Когда ты начнешь терять сознание от боли, я уколою тебе морфий и продолжу развлекаться.

Губы Котова задрожали, сальные волосенки встали дыбом. Артюхов снисходительно улыбнулся и продолжил:

– Правда, я знаю толк в извращениях? Кстати, – он щелкнул пальцами. – Надо сказать полицейским, что вы – садисты, и наверняка много людей замучили.

– Неправда! – воскликнул он. – Это тебе на меня не повесить!

– О, как, мы уже на «ты». Ладно, перейдем к делу. Маузер где?

– К-какой маузер? – согнутые колени Котова затряслись.

«Сейчас лужу пустит», – с брезгливостью подумал Артюхов, навис над ним и продолжил:

– Игорь Коваль, ты прекрасно знаешь, о ком я. И еще ты понял, что я дружу с сотрудниками этого замечательного учреждения, они сделают с тобой все, что скажу – мне даже рук марать не придется. Я не садист, в отличие от вас, зря ты испугался. Я состоялся, и мне не надо самоутверждаться за счет других. Итак, Маузер жив?

– Не знаю, – проблеял Котов.

– Где он? – рявкнул Артюхов. – Не строй из себя дебила.

– В п-подвале, подвал в Одинцово... В хрущобе под снос. Адрес не помню, напротив скандальных «свечек», еще не заселенных, которые заморожены, – он пощелкал пальцами. – Вспомнил, над подвалом – магазин металлопластиковых окон. Транспортный проезд, за ним – налево, там еще филиал какой-то. Не помню больше, клянусь! Мамою клянусь!

– Задницей поклянись, мамой – неубедительно, – проворчал Артюхов. – Так Маузер жив?

– Не знаю, мы его подключили, и все, потом в офис перебрались. Что там с его телом, я не интересовался. Фрайб говорил, он, по идее, должен сдохнуть, раз в вирте спокойно разгуливает и команды не воспринимает. Но мы не проверяли – времени не было.

Котов закрыл-открыл рот, как рыба. Артюхов решил, что врать ему бессмысленно – эта бестолочь и правда не знала адреса, всем ведь Фрайб заправлял. Но на всякий случай он пугнул Котова еще немного:

– Молись, чтобы я нашел это место, иначе...

Развернувшись, он жестом подозвал мента с квадратной головой, собрался с ним поговорить, но тот начал первым:

– Вячеслав Шуляк, ваш напарник, обвиняется в попытке государственного переворота. Надо нам с вами побеседовать по этому поводу.

– Позже, – отмахнулся Артюхов.

– Подумайте, где вы были все это время, и поищите свидетелей.

– Вы меня в чем-то подозреваете? – сказал он уже в лифте.

– Нет, – ответил мент, глядя в упор. – Интересно услышать ваше мнение. Все очень и очень странно. Не может столько не последних в городе людей сойти с ума.

– Пандемия прямо, – для приличия Артюхов сыграл удивление и вскинул бровь. – Но при чем тут я? У меня вроде бы все нормально.

Взгляд головастика просвечивал его рентгеном, но он был не лыком шит и сам кого угодно мог просветить.

«Значит, я в разработке, надо поменьше болтать и быть настороже. Все телефоны, кроме этого, купленного на чужое имя, прослушиваются. Беседу с женой они тоже слышали».

– Провалы в памяти, неадекватное поведение... Чем вы там занимались в «Мысе доброй надежды»? Линзы дополненной реальности – ваше изобретение?

– Прошу заметить, это хоспис. Помогали обреченным. Почитайте отзывы. Вы наверняка слушали мой разговор с Котовым, – полицейский на миг отвел взгляд. – Я ищу хорошего человека, живого или мертвого. Если вы мне поможете, я потом помогу вам.

При намеке на поживу жесткое лицо полицейского посветлело, он тяжело вздохнул:

– Я бы с радостью, но творится форменный дурдом. Нет людей. Еще и под Наро-Фоминском непонятно что, военные там окопались. Наших тоже стягивают. Ходят слухи – там или чума, или сибирская язва. Знакомым медикам звонил – плечами пожимают.

Лифт чуть качнулся, тренькнул, дверцы разъехались в стороны, и Артюхов вышел в просторный холл, пахнущий сигаретами и кофе. Серопиджачники стояли справа и слева от двери, заложив руки за спину. Водитель сидел в дерматиновом кресле под чахлым фикусом, крутил на пальце брелок с ключами.

– Мне нужно идти, – сказал мент и сунул визитку. – Если что, звоните. Чем могу, помогу.

– Вениамин Александрович, – прочитал Артюхов. – Вот и познакомились. Что ж, до свидания!

Пожав маленькую, будто кукольную ручку Саныча, он зашагал к выходу.

Серопиджачники остались здесь же, никто не собирался помогать ему искать Маузера. Ощущение было, что он несется с горы на потерявшем управление кабриолете, ветер хлещет по щекам и рвет одежду, а он вцепился в руль и с упорством маньяка поворачивает его, чтобы не влететь в мчащийся навстречу бетонный забор. Он ненавидел ощущение беспомощности, когда невидимые нити, помогающие держать ситуацию под контролем, рвутся, мир рушится и непонятно, куда бежать.

На улице уже занимался рассвет. Над сонными домами серело небо, одинокий таджик в оранжевом жилете скреб асфальт. Артюхов достал телефон и в первый раз пожалел, что этот номер не знает никто, кроме Светланы и теперь Ангелины. Когда он включил свой постоянный телефон, он завис от обилия сообщений о непринятых звонках. В списке контактов он нашел Тоху и набрал его. На звонок босса парень отреагировал мгновенно:

– Игнат Кириллович! – в его голосе сквозила неподдельная радость. – Я в новостях видел, что вы живы, но дозвониться не смог...

– Мне нужны люди. Приезжай за мной на Никитский переулок к ментовке, и поспеши, пока пробок нет.

– Уже лечу. Куда поедem?

– В Одинцово.

– Ок, ребят туда направлю. Ждите.

«Хоть кто-то обрадовался моему возвращению, – подумал Артюхов. – Еще бы не обрадоваться! Кто еще такому оболтусу будет пять штук зеленых платить? А так бабло вернулось». Он представил, как Тоха одной рукой натягивает штаны, во второй держит телефон. На ходу хватает травмат, мчит в гараж, заводит «хаммер» и, пока прогревается мотор, звонит рядовым телохранам.

А еще он обещал Ольге, что возьмет ее с собой, как только что-то выяснит. Но ничего еще непонятно, вдруг Котов соврал, и тревога ложная?

Артюхов представил, как было бы здорово доставить Маузера к ней в больницу – живого и невредимого, посмотреть, как они оба счастливы, и удалиться разгрести дела, которых накопилось выше крыши.

Фантазия показалась ему чужеродной, и он сплюнул на асфальт. Проклятый Игарт виноват, сопляк безусый. Навсегда в мозгах завелся...

«Но так ли это плохо?» – спросил он сам себя, задумался ненадолго и отметил, что мир изменился: краски стали ярче, воздух – свежее, эмоции – острее и неожиданней, он словно помолодел на двадцать лет.

Этого он делать, естественно, не стал. Чтобы проклятая совесть насытилась и успокоилась, надо найти Маузера и обеспечить воссоединение влюбленных.

* * *

Тоха прикатил через двадцать пять минут, вышел из «хаммера». В свое время Игнат отмазал его от тюрьмы: по молодости Тоха участвовал в мордобое, по дури покалечил кавказца. Скандал разгорелся знатный, в результате наше бабло победило бабло забугорное, и у Игната по-явился верный соратник.

Артюхов был немаленького роста, телохранитель же возвышался над ним на полголовы и внешность имел запоминающуюся: снежно-белая кожа, васильковые глаза с длинными загигающимися ресницами, огненно-рыжие волосы, выбритые на висках и за ушами, переходили в длинный, до лопаток, хвост. Ангел во плоти. Ангел смерти. Боксом Тоха занимался пятнадцать лет, мог согнуть арматуру, отлично управлялся со всеми видами оружия, кулаком пробивал дверь, капот машины, и при этом имел ай-кью 135, что значительно превышало норму. Правда, с женщинами исполину не везло. В их присутствии он делался мягким, сговорчивым, чем дамы незамедлительно пользовались.

Поскольку у него водились деньги, он был дважды женат и ограблен при разводе.

Игнат жалел, что Тоха не его сын. Своего отпрыска от первого брака он вычеркнул из жизни – тупой, ленивый колесный наркоман, который в тридцатник сидит на шее у матери.

Тоха открыл дверцу перед Игнатом и сказал:

– Нас пятеро. Пашка и Славик не отзывались.

Игнат устроился на заднем сиденье, пожал руку двоим телохранам и наконец почувствовал себя в безопасности. Теперь он – хозяин положения, и пусть только попробует какая-нибудь гнида его нагнуть.

Как человек хорошего достатка, имеющий связи в полиции, он имел право, включив сигнальные маячки, гнать по скоростному ряду. Вылетели сначала на Кутузовский, миновали триумфальную арку, рванули по Минскому шоссе и вскоре были возле Одинцово. Скандальные «замороженные» свечки находились на северо-западе городка. Акулы бизнеса не пустили на рынок нового застройщика. Чтобы сдать дома в эксплуатацию, у него запросили такие деньги, что он умыл руки. Жильцы скинулись, пробурили скважину, поставили бензогенератор, и живут уже третий год.

Хрущевки, окруженные пафосными новостройками, напоминали гетто. «Хаммер» свернул в ближайший двор, проехался кругом, едва не оцарапав бюджетный «ниссан». Подвалов было в изобилии, но офиса металлопластиковых окон не наблюдалось.

Во втором дворе – то же самое.

А вот в третьем, прямо на въезде, красовалась надпись: «Металлопластиковые окна из Европы».

– Здесь, – скомандовал Артюхов и подался вперед, впившись взглядом в металлическую, выкрашенную в серый дверь подвала.

Вышел Тоха, звякнул отмычками, нанизанными на кольцо:

– Знал, что они понадобятся. Вскрывать?

Заднее сиденье покинули типичный бычок Ваня и Даниил, мужчина в летах, смуглый, седовласый, поджарый. Богдан и Саня остались сидеть сзади.

Артюхов вылез из салона, потянулся и сказал:

– Попробуй.

Тоха согнулся возле двери, чертыхаясь, начал подбирать нужную отмычку, и тут взревела сигнализация. Тоха отшатнулся и обернулся к Игнату, покачивающемуся с пятки на носок:

– Дальше вскрывать или чего зря париться? Охранников с ментами дождемся?

– Нет-нет, продолжай, вдруг у тебя быстрее получится. Менты, я слышал, в запаре.

Но он ошибся: ментовский «бобик», воя сиреной, прибыл через пять минут. Группа захвата, пятеро в бронежилетах, высыпали из салона и остолбенели, пораженные наглостью преступников. Артюхов поднял руку с удостоверением, выданным Рукастым, и зашагал к ментам. Те на всякий случай взяли его на прицел.

Сунув удостоверение под нос молодому лейтенанту, он проговорил:

– Я внештатный сотрудник. Не верите, позвоните Долгорукому, вот его телефон. Он подтвердит. К тому же в этом помещении украденное у меня оборудование, и тому есть доказательства.

Лейтенант отошел и затараторил в рацию, прикрывая рот рукой. Артюхов обратился к мелкому, свирепому на вид сержанту:

– Там, в подвале, – мой друг. Арендаторы помещения задержаны, а мне очень нужно освободить этого человека.

– Следовало сразу обратиться к нам, а не предпринимать противоправные действия, – проговорил сержант и прицелился Артюхову в голову.

– Колян, отставить, – скомандовал лейтенант. – Оружие убери и дверь открой. Он правду говорит.

Сержант скривил недовольную рожу, но подчинился. Артюхов спросил у лейтенанта:

– А что стряслось в Наро-Фоминске? Слышал краем уха...

– Вспышка какой-то болезни, не знаю точно. Часть области оцеплена. Нас, слава богу, на месте оставили. А так, дааа... Сплошные запары.

Сигнализация смолкла. Сержант отпер дверь и крикнул:

– Путь свободен.

Артюхов прищурился, глядя вперед:

– Лейтенант, сопроводите нас, пожалуйста. Внутри могут быть трупы.

Мент протянул ему ключи от подвала и кивнул.

Тоха шел первым, прицеливаясь в темноту дверного проема, за ним – двое ментов из группы захвата и только потом – Артюхов. Странно, но он нервничал из-за Маузера, будто тот был его близким родственником.

Тоха нащупал выключатель, и из помещения полился голубоватый свет. Артюхов пригнулся и переступил порог. Здесь пахло резиной, новой мебелью и медикаментами. В прихожей

на вешалке висел одинокий белый халат, на полу, прямо на домашних тапках с помпонами, распластались бахилы.

Ясно, что здесь никого не было, но Тоха для порядка прижался к стене, подергал дверь – заперта, и воззрился на лейтенанта, который замыкал шествие. Артюхов вынул связку ключей из кармана и открыл обычную офисную дверь.

Тоха прошмыгнул внутрь, включил свет и присвистнул. Игнат ступил в длинный, плохо освещенный коридор, зашагал вдоль одинаковых металлических дверей. Стены были облицованы мраморной крошкой, пол вымощен белой плиткой. В коридоре пахло нагретым пластиком, как от нового компьютера.

В самом конце коридора из-за приоткрытой двери лился свет. Артюхов зашагал туда; удивительно, но кровь пульсировала в висках, а ладони вспотели. Отказываясь признаваться, что волнуется за чужого человека, он убеждал себя, что это от усталости.

Тоха оттеснил его, держа пистолет наготове, заглянул внутрь, готовый в любой момент отпрянуть. Засунул голову в проем, осмотрелся и поманил позади идущих.

По полу змеились кабели. словно в магазине компьютерной техники, вдоль дальней стены сиял включенными экранами ряд ноутбуков. Выглядело все так, будто хозяева только что ушли и рассчитывали в скором времени вернуться.

На больничном столе в середине кабинета лежал мужчина, рядом был пустой штатив с капельницей. Маузер, точно: патлы черные длинные, аж со стола свешиваются, рожа татуированная, свирепая.

– Маузер, хватит притворяться! – крикнул Артюхов.

Глава 3

Призрак надежды

Маузер

Трупы закончили закапывать, когда начало смеркаться. Усталые потные сталкеры получили сухпак и расползлись по своим комнатам.

Жили в комнатухе, напоминающей тюремную камеру: двухъярусные кровати, две тумбочки, подобие шкафа; Маузер и Игарт по праву избранных занимали нижние полки, Януш спал на верхней над Игартom.

«А что, – подумал Маузер. – По меркам Зоны роскошное жилье: и душ тебе, и отопление электрическое, и туалет, и все это – в помещении, не надо зимой в деревенский нужник бежать, задницу морозить. Жить можно. Через тысячелетие, глядишь, и сюда дойдет цивилизация».

Самых преданных и адекватных сталкеров группами по четыре человека разослали по всей Зоне вести переговоры, пообещав оружие и патроны. Не стоило скупиться, в этой борьбе человеческий ресурс решал все. Итого защитников крепости стало меньше на сорок человек.

Януш на верхней полке маялся воспоминаниями и ворочался, Игарт тихо сопел во сне, Маузер лег, усталый на верхнюю койку и попытался выстроить план действий, но мешали мысли о доме и Ольге. Он заставил себя сосредоточиться.

Итак, гонцы разосланы. Допустим, переговоры увенчаются успехом, и силы Фрайба будут равны силам нового альянса. Вспомнились боевые машины, охраняющие подходы к Комнате желаний. Против таких монстров пирамида не устоит. Значит, придется рыть подземные укрепления. Радужная перспектива – жить в копанках. И так, выходя из любого поселка опасаясь, что тебя или мутант сожрет, или в аномалии расплющит, теперь еще и людей надо будет бояться. И ведь непонятно, кто враг, а кто друг.

И еще маленькая деталь: оружие и патроны, наверное, перестанут самозарождаться в схронах. Патроны скоро закончатся, и придется переходить на луки и арбалеты. Здесь у Фрайба с его машинами на ядерном топливе будут преимущества. Теоретически их можно перепрошить, практически же это неосуществимо.

Как ни крути, у него преимущества во всем, от него даже спрятаться будет трудно – он все это придумал, знает план каждого здания. Единственный выход – перехитрить его и переманить людей, но как? Люди останутся людьми, готовыми за ящик патронов продать левую почку. Все равно новая вырастет.

Маузер не заметил, как уснул. Сон ему снился страшный до смешного: за ним по подземельям гонялся кабан с рожей Фрайба. Куда ни пойдешь – везде он. Здоровенный, с тельца, глаза горящие алые, из вполне человеческого рта торчат клыки, как у секача, и вырывается пламя.

Утром Маузер усмехался, вспоминая сон, но ощущение, что некуда бежать, не пропадало. Оставалось надеяться, что Зона расширяется, скоро образуются новые локации, где Фрайб потеряет силу, а его машины заглохнут. Фантастика, конечно, но чем черт не шутит?

Избалованный благами цивилизации, он страдал от того, что здесь нет мобильных или хотя бы раций. Вербовщики разошлись, и как у них успехи, оставалось только догадываться. Он открыл карту на КПК и представил, что перед ним циферблат. Территория лакокрасочного завода находилась вверху, на севере, где на часах одиннадцать и двенадцать. Некогда черная, теперь она сменила цвет на лиловый. Большими буквами было написано: группировка «Воля». Вот, значит, как. Зона уже и цвет выбрала. Справа «Воля» граничила с вытянутым зеленым

прямоугольником железнодорожного депо. Это нейтральная территория, вотчина диких поселений и одиночек. «Вероятные союзники», – решил Маузер.

Правее депо – голубой прямоугольник Македонска. Вероятные противники. А вот за Македонском, там, где на циферблате цифры четыре и пять, – лес аномалий, топи и поселок «Гавань». Тоже, скорее всего, друзья. Игарт рассказывал, что там в основном боты, новички и неудачники.

На юге, где цифры шесть и семь, – ничейные горы, ущелья, редкие плато. Потом зеленым – леса-луга-леса. Точка города со странным названием Память. Затем, где девятка, красный квадрат. Значит, там властвует группировка «Ветер». Вот и все области периферии. В центре их всего четыре: коричневая – вражьей группировки «Зона», желтая под областью «Воли» – Амазония, где окопались женщины. Уж им с Фрайбом точно не по пути. Затем зеленый квадрат и черный. Белым по черному написано: «Наукоград. Комната желаний».

Если не брать в расчет роботов на ядерном топливе, то расстановка сил примерно одинаковая. Вероятная расстановка сил.

Пока Игарт и Януш занимались переписью населения, Маузер, сразу же признавший свою некомпетентность в подобных вопросах, отправился осматривать владения. Больше всего его интересовали недостроенные зенитные установки. Ведь если их начали собирать, значит, знали, где достать стволы и боеприпасы.

Усевшись в пазе бойницы, Маузер глядел на двор, залитый кровью, и курил. В мире, где жизнь ничего не значит, на первое место должна выходить борьба за ресурсы. Надо продумать новые стратегии ведения боя. Например, прятать оружие в лесу, где респаунятся убитые, чтобы они возвращались в полном боевом облачении и били врага с тыла...

Защитников завода разбили на группы. Первые несчастливцы отправились восстанавливать городскую стену. Сменить их должны через два часа, в двенадцать. Работали без энтузиазма, но добросовестно. Стену делали толще, чем она была раньше. Маузер подумал, что как нельзя лучше подошло бы шиповое соединение, когда плиты не ставятся друг на друга и закрепляются раствором, а соединяются шипами, входящими в пазы, как конструктор. Сооружения Мезоамерики, построенные таким способом, стоят тысячелетия, и пережили не одно землетрясение.

Во дворе, недалеко от распахнутых ворот на лакокрасочный завод, где черные раньше держали пленных, вокруг бородатого мужика в красной бандане с черепами столпились сталкеры. Отсюда, сверху, не было видно лиц. Мужики пускали по кругу автомат, качали головами, передергивали затвор и вдруг все повернули голову к входным воротам, возле которых начали строить новую дозорную вышку. Отдали автомат владельцу, повернулись. Маузер вспомнил, что неплохо бы вернуть читерский шмот. С таким нервяком собственное имя скоро забудешь.

Рабочие оставили свое занятие и схватились за оружие. Вдалеке, у кромки леса, Маузер с трудом разглядел движущиеся в мареве фигуры. Спрыгнул на пол и рванул в кабинет директора. То есть Игарта.

Когда он распахнул дверь, в кабинете было три человека: сталкер, принесший весть, Януш, потирающий подбородок, и Игарт, обмякший в кресле. Его руки подрагивали, глазные яблоки катились под веками. Он уже переместил сознание в ворона и смотрел, кто направляется в гости. Может, это возвращается один из отрядов, отправленных на переговоры, но скорее нет: людей было намного больше.

Шпионил он недолго, тряхнул головой, потер глаза и сказал:

– Фууф, вроде, они с миром. У них белый флаг.

– Сколько их? – спросил Маузер.

– Человек сорок. Ветровцы, и женщины с ними. Похоже, мысль создавать альянс пришла не только нам.

– Ага, забежал народ, засуетился. – Маузер взял со стола бинокль и направился к выходу. – Я встречу послов, а вы подготовьтесь, чтоб хотя бы было, где сидеть.

Сталкеры встретили гостей настороженно: распахнули ворота и встали с двух сторон с автоматами. Маузер дымил на пороге. Подождал, пока откроют покореженные ворота, щелчком отбросил сигарету и зашагал навстречу послам.

Первыми шли безоружные ветровцы, за ними – женщины с детьми, напоминающие беженцев. Это и есть грозные амазонки? Маузер прищурился. Они были обвешаны оружием, как новогодние елки – игрушками, и еле плелись под тяжестью рюкзаков. Все – модельной внешности. На любой вкус: блондинки, шатенки, рыженькие, даже восточные красавицы и мулатка с афрокосичками. Одеты, правда, как мужики, в камуфляж и «берцы». Вперед выступила черноглазая высокая брюнетка, качнула буферами третьего размера, выглядывающими из расстегнутого пиджака, покосилась на пирамиду, вскинув тонкую смоляную бровь:

– Привет, – промурлыкала она и протянула крупную мозолистую руку с обломанными ногтями. – Ты и есть гость из Большого мира, о котором столько разговоров? Я – Дарья.

Маузер представился, ответил на рукопожатие и обратился к ветровцам:

– Погорельцы? Кто за главного?

– Тигран, – вперед шагнул высокий армянин, похожий на итальянского мафиози, сжал кулаки. – На наш поселок ночью напали сначала мутанты, потом – черные... Но не это главное, – он сверкнул глазами, поджал губы, не решаясь сказать. – Они поджидали нас, когда мы возрождались, а потом долго гнали по лесу, – он смолк, потупился, подбирая слова: – Зачем – непонятно... Наш поселок был на краю мира. До пояса тумана – два километра...

– Давайте пройдем в тихое место и поговорим там. Вы, наверное, устали с дороги и голодны?

Маузер окинул взглядом женщин, посмотрел на пускающих слюни сталкеров. Детей амазонки прятали за спинами, и сколько их, сказать было трудно. Маузер подумал, что прокормить такую ораву будет нелегко. Они опустошат закрома за неделю, и придется озаботиться вопросом, где добывать пропитание.

Лицо у армянина стало, как у религиозного фанатика, в глазах запылал огонь. Дарья оттеснила его, сунула руки в карманы облегающих брюк и проговорила, обли-зываясь:

– Ты так и не ответил...

Маузер устало улыбнулся, переводя взгляд с декольте на смазливое личико:

– Сколько у вас детей?

– Двадцать четыре, восемь мальчиков, остальные девочки.

– Возраст?

– Самой старшей пятый год.

Чудесно, просто чудесно! На закрытом военном объекте – толпа сисястых баб с орущими младенцами. Да уж, этот факт поддержит боевой настрой и поможет сталкерам концентрироваться на работе.

Но не вышвыривать же их с детьми на улицу?

Он развернулся и зашагал к пирамиде, спиной чувствуя взгляды гостей – одобрительные, настороженные и полные ненависти.

Пока он беседовал с беженцами, Игарт наспех оборудовал пустой кабинет под зал совещаний. Два сталкера как раз тащили койку, чтоб приспособить ее под скамью. Маузер прошагал в свое привычное место в углу и привалился к стене. Боковым зрением он следил за Игартом, который с трудом сдерживал негодование.

Мест всем не хватило. Женщин с детьми усадили на скамьях, из ветровцев кто-то сел, кто-то подпер стену, как Маузер. Младенец у рыженькой девчонки, которой на вид было не больше семнадцати, заорал, она принялась его укачивать. Четверо двухлеток, будто сговорившись, начали вырываться из рук матерей. Белокурая девчонка все-таки освободилась и, зали-

ваясь смехом, побежала к Маузеру. Он скорчил зверскую рожу, и ребенок с ревом вернулся к матери. Появилось уже два ревущих ребенка.

– Как называлась ваша деревня? – спросил Игарт.

Дарья переглянулась с зеленоглазой блондинкой, насупилась и выдала, дерзко вскинув голову:

– Да, мы принимали мужчин! Человек должен заниматься тем, что получается у него лучше всего...

Кто-то из ветровцев заржал, на него зашикали приятели. Ноздри Дарьи раздулись от гнева, но она стерпела и продолжила:

– Но несмотря на это, мы отличные бойцы, проверьте и сами убедитесь.

– Пусть остаются – пригодятся! – крикнул молодой, наголо бритый ветровец.

– Кормить ты их сам будешь? И выводок тоже? – зашипел на него приятель постарше.

– Заткнуться! – рявкнул Маузер так, что аж дети притихли.

– Мы в одинаковой ситуации, – поддержал его Игарт и собрался продолжить, но вмешалась Дарья:

– У меня был сын. Он заболел воспалением легких и умер. Я не сильно расстроилась, побежала искать его там, где мы обычно возрождаемся. Не нашла. Весь лес обыскала – нет моего малыша. Всей общиной искали – не нашли. А потом оказалось, что они умирают навсегда. Исчезают и не появляются, понимаете?

Игарт кивнул:

– Это правда. Мы, выходцы из Большого мира, бессмертны. Мы – отдельно, Зона – отдельно, она создана для нас и под нас. Родившиеся здесь – ее часть. Они умирают навсегда. Раньше Зона была частью огромного эксперимента. Попасть сюда было можно, выбраться отсюда – нет. Теперь она живет сама по себе, забудьте про Большой мир, его больше нет, и вы в безопасности. Зона развивается, по идее, она должна расти...

– Теперь понятно! – воскликнул Тигран, и в его голосе прорезался мягкий кавказский акцент. – Пояс тумана отодвинулся, появилась новая земля!

– С этого момента поподробнее. – Маузер отлип от стены и заходил вперед-назад. Тигран продолжил:

– Черные гнались за нами. Делать нечего, мы побежали в пояс тумана, там они отстали. Раньше как – где ни зайдешь в туман, выйдешь в том же месте, а тут мы шли, шли, шли, смотрим – туман редет. Думаем, что вернулись, наверное, черные нас в засаде поджидают. Ан нет! Мы за поясом тумана! Вроде, такой же лес, но другой. И пахнет иначе. Ни мутантов, ни аномалий, ни людей. Нас мало, мы без оружия, неизвестно, что там может быть, поэтому решили вернуться и рассказать нашим.

– Правильно сделали, – проговорил Маузер, все так же меряя шагами кабинет. – Черные хотели сунуть вас в стиратель, потому и гнались. Это первое объяснение. Второе: после того как мы остановили Фрайба и изолировали Зону от Большого мира, она зажила своей жизнью и начала расти. Вы видели новорожденные территории.

– Это как? – удивился кто-то из толпы.

Женщины удивились, аж рты разинули, сталкеры тоже заинтересовались, подтянулись, вытянули шеи.

– Скоро вы вспомните, кем были в Большом мире, многие уже начали вспоминать. И тогда все поймете. Если я скажу, что этот мир создан им, – Маузер указал на Игарта, – и Фрайбом, вы можете не поверить. Мы боги загробного мира, а дети – будущие смертные, которые заселят землю.

Посыпались стандартные вопросы, на которые отвечал Игарт. Маузер раздумывал над тем, как прокормить орущих младенцев. Он никогда не любил детей и относился к ним с опа-

сением, уж очень они хрупкие, кажется, что вот-вот сломаются. Ольга тоже не горела желанием размножаться, и проблему отложили на неопределенный срок.

Сейчас же он воспринимал детей не как препятствие, с которым предстоит справиться, а как ростки хрупкой новой жизни, членов стаи, где он – вожак, а значит, несет за них ответственность.

Из беседы Игарта с народными массами выяснилось, что македонцы напали на соседнюю деревню амазонок, всех перебили, мальчиков забрали с собой. Опасаясь за жизни детей, амазонки решили обратиться за помощью к избранному, о котором в Зоне только и говорят.

Ветровцы подтвердили: об избранном знают, знают, что он выбил черных с лакокрасочного завода, уже и песни о нем слагают. Так что скоро надо ждать делегации вольных сталкеров.

Итак, слава у избранного добрая, несмотря на все старания черных; о нем знают в окрестностях, что уже хорошо. Скоро вернутся послы с известиями, и тогда следует решать, что делать дальше.

Получается, что время работает против Фрайба, на его месте Маузер не налаживал бы связи, а стер осиное гнездо с лица земли. Скорее всего, через пару дней, когда поймет, что теряет время, он так и сделает. Или ему недостаточно простой победы? Может, он играет в увлекательную стратегию и получает удовольствие, и его задача – устроить травлю, сделать так, чтобы все отвернулись от врагов. Слава у него пока дурная, но, возможно, она изменится, когда его сторонники станут получать с помощью Комнаты желаний материальные блага.

Итак, Зона растет. Это великолепно! Надо снарядить и отправить разведотряд на периферию, пусть разузнают, что и как.

Когда вопросы гостей иссякли, Игарт попросил двух сталкеров, стоящих у входа, принести ящик тушенки с гречкой и выдать нуждающимся. Мужики набросились на еду, как голодающие. Женщины держались достойно, делились с детьми. Маузер жалел, что не попросил Фрайба накодить скатерть-самобранку. Потому что если беженцы будут прибывать такими темпами, провиант закончится через неделю.

Он представил себе охотников на кабанов со счетчиками гейгера и усмехнулся. Ни с того ни с сего промелькнула мысль об Ольге, и улыбка сошла с его лица. Он обязан не выжить – выиграть, поймать Фрайба, приковать к скале и медленно резать день за днем, год за годом, пока проклятая тварь не сойдет с ума от боли. Но даже так он не узнает, что стало с Ольгой в реальности. Вернуться же нет возможности.

Ветровцам дали плохонькие ружья, немного патронов и отправили восвояси. Женщин отправлять было некуда, и им для жилья выделили кабинеты на втором этаже цеха – чтоб поменьше мозолили глаза мужикам. Пока они занимались обустройством, Дарья признала в Маузере альфа-самца и ходила за ним хвостиком, делая вид, что интересуется жизнью нового поселения, а сама то рукавом его заденет, то прильнет как бы случайно. Поначалу он не обращал на нее внимания, но вскоре утомился, взял ее за плечи и сказал:

– Извини, но у меня дела. Иди к себе.

Она склонила голову набок, чуть выгнулась и облизнулась:

– Ты придешь сегодня ночью?

Он улыбнулся и закатил глаза.

– Нет, не приду, извини. Ни сегодня, ни завтра.

Дарья надула губы и побелела от злости. Маузер отпустил ее и объяснил:

– Дело не в тебе. Можешь смеяться, но я люблю свою жену, которая осталась там, мне ее никто не заменит. Не округляй глаза – мужчины тоже умеют любить. Лучше обрати внимание на Игарта, серьезный парень, и тоже отчасти из Большого мира. Или на Януша, этот свой, и к тому же красавчик.

– Вот уж не подумала бы, – проворчала она и, гордо расправив плечи, направилась к распахнутым воротам.

Маузер поспешил в кабинет, где через десять минут должны были собраться добровольцы, желающие изучить территорию за поясом тумана. В свое время он пресытился красотками (все, чего они хотели – залезть в его кошелек) и научился ценить искренность, которой всегда дефицит. Модель как спутница жизни – все равно что неудобная дорогая шмотка. Толку никакого: поговорить не о чем, в постели – бревно, деньги жрет, как БТР бензин, зато друзья завидуют.

Добровольцев набралось девять человек. Они расселись на лавках напротив Игарта и молодого беловолосого, светлоглазого ветровца, излагающего суть проблемы. Наверное, такими же воодушевленными были матросы Колумба, отправляющиеся покорять неведомые земли. Их задор передался Маузеру, и он подумал, что с удовольствием к ним присоединился бы, если б не дела государственной важности. Значит, не совсем умер в нем дух странствий.

Игарт кивнул Маузеру, разложил на полу старую карту, подождал, пока добровольцы рассядутся вокруг, и ткнул пальцем в лиловый прямоугольник:

– Мы сейчас находимся здесь, – он провел от точки лакокрасочного завода к краю мира, поясу тумана. – До цели четыре километра...

– Фигня вопрос! – воскликнул веснушчатый молодой парень из добровольцев. – Ночью, крайний срок – к утру, назад вернемся!

– Мы долго шляться не будем, разведаем, что почем, есть ли там люди, и назад.

– Если все получится, – добавил Маузер. – Неизвестно, с чем вы там столкнетесь.

– Хуже не будет! – улыбнулся веснушчатый. – Ну, чё, мужики, готовы?

– Разделитесь на две команды, – посоветовал Маузер. – Одни пойдут прямо и не факт, что найдут новые земли, другие повторят разведанный маршрут, – он посмотрел на альбиноса, тот кивнул:

– Я покажу дорогу. Самому интересно, что это было.

* * *

Вооруженных до зубов добровольцев Маузер провожал, глядя из бойницы. Странно, но фрайбовского ястреба не наблюдалось, зато наблюдалась почти восстановленная стена и женщины, объединившиеся в команды и подключившиеся к стройке.

Чем шире локация, тем успешнее маневры и больше места, где можно спрятаться, если обстоятельства сложатся неблагоприятно. Интересно, на что похожи земли новой реальности? И вообще, какая она?

Представился глобус с белыми туманными пятнами, под которыми зарождаются континенты. Какими они получатся? Чья фантазия или желание ляжет в основу? Вряд ли это будет воля Фрайба, он утратил контроль над Зоной.

Спрыгнув на пол, Маузер зашагал к лестнице. Мысли его были далеко, за поясом туманов, на необжитых территориях. Чем торчать здесь, он лучше отправился бы с разведчиками и снова ощутил бы себя живым... Стоп! А ведь нетрудно раньше них узнать, что там! Есть же ворон, спрятанный где-то в лесу. Наверное, сейчас Игарт уединился в спальне и в теле птицы парит в поднебесье.

Так и оказалось: Игарт лежал бледный, сосредоточенный, с закрытыми глазами. Его мелкие мышцы сокращались, как у спящего, отчего подрагивали руки и ноги, дергался уголок рта.

Игарт

Отряд, который вел ветровец, брел далеко вниз. Маленькие, будто муравьи, люди растянулись цепью и пересекали поляну. В двадцати метрах от них, возле куста шиповника, находилась аномалия. Какая именно, Игарт не мог сказать: ворон их видел одинаковыми сгустками тумана.

Он крутил спираль, чтобы подняться выше и посмотреть, заметят ли они опасность. Заметили, обошли по широкой дуге и очутились на серой ленте дороги, вдоль которой покачивали верхушками свечи тополей. По дороге идти не стали: в Зоне не всегда ходят короткими путями. Спустились с насыпи в бурьян и двинулись по полю к невысокому холму.

Шли они медленно, Игарт решил не повторять их маршрут, а самостоятельно лететь по прямой к поясу тумана. Если уж он стал проницаемым, то, скорее всего, везде.

Соскользнув с воздушного потока, ворон замахал крыльями, устремился к холму, качнулся, подталкиваемый теплым воздухом. До первого полета ни Артюхов, ни тем более Игарт не представляли, что воздух – бурлящий котел, а не однородная среда. Тем, кто не рожден для полета, сложно с ним справиться.

Поля сменились лесопосадками с проплешинами, окутанными туманом. Здесь располагался танцующий лес, весьма своеобразная аномалия. Идешь себе, идешь, расслабленный, камешки вперед кидаешь, а потом – опа! И ты уже под землей, пошел на корм деревьям. Они ж танцуют, им сила для телодвижений нужна.

За посадкой – почерневшие шиферные крыши, утопающие в зелени. Улицы деревни располагались крестом, и свысока она напоминала орден. На кольце в середине поселка, вокруг ржавого киоска, спали свернувшиеся калачиками псы – раз, два, три рыжих. Четвертый, белый, бдел. Зрение птиц таково, что все белое лучится, словно освещенное неонов. Вместо черного они видят темно-фиолетовый. Пес задрал морду к небу и завыл.

Только сейчас Игарт понял, что ворон – это не только ценный разведчик, но еще и бинокль, если сфокусировать взгляд особым образом, то с такой высоты видна даже мышь возле норы. Он приблизил песью морду, стреляные гильзы, заметил ботинок. Скелет павшего сталкера он приближать не стал, полетел дальше, к темной стене леса.

За лесом начинался пояс туманов протяженностью где-то в километр.

Его разрабатывал Артюхов – пустил в дело свое представление о конце света.

Туман клубился, поглощая ближайшие сосны, густой, как опустившееся дождевое облако. Он казался чуждым, потусторонним. Вспомнив, что ничего особо зловещего там не прячется, Игарт полетел вперед.

На границе был живой лес, но чем дальше в туман, тем больше почерневших деревьев, выплывающих из молока чуть ли не перед самым носом. Один раз ворон врезался в ветку, сломал ее и чуть не упал, но выровнялся и полетел осторожнее.

Звонящая тишина сменилась шорохами, едва различимым скрежетом, шипением, похожим на шепот. Появилось ощущение, что кто-то смотрит в спину. Казалось, что в тумане движутся смутные силуэты, перешептываются и исчезают, стоит сфокусировать на них взгляд.

Игарт заставил себя думать, что все это – не настоящее, но желание бежать отсюда не проходило. Зона зажила собственной жизнью и могла населить пояс туманов существами, которых нарисовало воображение первого попавшего сюда сталкера.

Когда из тумана выплыла белая мраморная колонна, Игарт едва успел повернуть, удивился позже. Такого Артюхов не придумывал. Значит, Фрайб или кто-то из сотрудников «Парадиза» дополнил пейзаж.

Внизу простиралась пустошь, будто присыпанная белой пылью. То здесь, то там из земли торчали накренившиеся столбы с оборванными проводами, бетонные плиты с торчащей арма-

турой. Черным на белом – шина автомобиля и рядом – игрушечный КамАЗ на веревочке. Плюшевый медвежонок с оторванной лапой, кукла с выколотыми глазами...

Во время разработок Фрайб проводил опрос, кто каких игрушек боялся в детстве, все они собраны здесь, на границе мира. Также пояс тумана изобиловал предметами, которые никак не могли здесь оказаться: стул, похожий на трон, штатив капельницы, среди мертвых, сбросивших листья кустов – рояль.

Игарт насторожился, когда снова стали появляться сосновые стволы. Его опасения подтвердились: он вылетел из тумана примерно там, где погрузился в него.

Пока уставший ворон отдыхал, Игарт думал, что делать дальше. Пояс тумана работал так же, как и прежде. Хотелось думать, что только здесь, и окно в новый мир существует.

В реальность его вернул голос Маузера:

– Ну и что ты налетал?

Игарт открыл глаза, сел на своей койке и вздохнул:

– Ничего не получилось. Пояс тумана не выпускает меня из Зоны.

– Мы ж не знаем, сколько выходов, вдруг несколько, – проговорил Маузер, потирая подбородок, заросший густой щетиной. – Отлети подальше и попробуй еще раз.

Игарт так и сделал, но лишь впустую потратил время. Во время третьей попытки его вышвырнуло восточнее. Тогда он решил больше не рисковать и направился по маршруту разведчиков, но не успел: начало смеркаться, зрение птицы ухудшилось, и он отпустил ворона добывать пропитание.

Разведчики не вернулись вечером. Наверное, парни увлеклись изучением новых земель и решили заночевать там. Маузер уснул с уверенностью, что хорошие вести будут утром.

Ольга. Москва

Лекарства оказались сильнее Ольги, и она спала мертвым сном без сновидений. Ее разбудил скрип приоткрывшейся двери, она поднялась и прищурилась на яркий свет, льющийся в окно. В палату никто не заходил.

– Кто там? – прохрипела она, но ответа не дождалась.

Пришлось подниматься и, хотя безумно кружилась голова, по стеночке плестись к выходу. Ноги слушались с трудом, кровь грохотала в висках, как товарный поезд, мчащийся по натянутым нервам. Во рту пересохло.

Артюхов обещал позвонить и рассказать, что с Маузером. Но что стоят его обещания? Наверняка соврал и исчез. Или принес плохие вести и не решается войти? Сглотнув вязкую слюну с привкусом медикаментов, она распахнула дверь и вышла в коридор, пустынный и темный.

Маузер стоял, привалившись к стене, и рассматривал огромный букет алых роз.

– Игорь, – прошептала она и сползла по стеночке, обессилив.

Живой. Главное – живой. Мир наполнился красками, звуками, запахами, товарняк остановился и со свистом выпустил пар – Ольга выдохнула. Маузер повернул голову, черные блестящие волосы рассыпались по плечам. Как же она любила зарыться в них лицом! И каждую морщину, каждый шрам готова была целовать...

Но его лицо начало меняться: брови поседели, уголки век опустились, щеки обвисли, мгновение – и перед ней пожилой мужчина в белом халате. Склоняется, шевелит толстыми губами...

Ольга вскочила и оттолкнула его, закрыла лицо руками. Не было Маузера – она просто ходила во сне. Желание увидеть мужа оказалось настолько велико, что заставило ее спящую встать с кровати.

– Милая, успокойтесь, – примирительно гудел врач. – Вернитесь в палату, пожалуйста.

Ольга убрала ладони от лица, посмотрела на него и проговорила по возможности равнодушно:

– Извините, не пойду. Я снова усну, а мне нельзя спать. Мне нужно знать, жив мой муж или нет, понимаете?

Врач покосился на часы, висящие на стене, Ольга глянула туда же и протяжно всхлинула: 9.30. Артюхов должен был уже все выяснить и позвонить, но он почему-то молчал. Не обращая внимания на врача, она метнулась в палату, непослушными пальцами схватила телефон, нашла единственный номер Артюхова.

Надо поднести мобильник к уху. Нажать зеленую кнопку и поднести... Но до чего же тяжел крошечный аппарат! Ольга прижала его к груди. Поздно молиться. Все уже случилось. С замирающим сердцем она поднесла телефон к уху и зажмурилась, слушая протяжные гудки.

Гудки, гудки, гудки – длинные штрихи сливаются в разделительную полосу, Ольга несется к неизбежному на бешеной скорости, а неизбежное все не выскакивает из тумана встречным грузовиком.

Не берет трубку. Но почему? Неужели это так сложно? Сглотнув комок, она размахнулась, чтобы ударить телефон о стену, но он словно раскаялся и запищал, спасая свою электронную жизнь. От неожиданности Ольга выронила его, и он, вибрируя, пополз по простыне, как перевернувшийся на спину жук. Смертельно опасный жук.

Пересилив себя, Ольга взяла его и сказала едва слышно:

– Да.

Артюхов говорил тихо и холодно:

– Подождите меня, я сейчас буду, у входа в отделение стою...

– Что с Игорем? – закричала она таким голосом, что вошедшая толстая соседка по палате шарахнулась за дверь.

Но Артюхов сбросил.

Что там? За пунктирной линией гудков? До чего же страшно заглянуть в глаза правде! Ольга пулей вылетела из палаты и рванула по коридору, едва не сбив с ног постовую медсестру. Схватила Артюхова, идущего навстречу, за ворот халата, встряхнула так, что отлетели верхние пуговицы, открыла рот, чтобы спросить, но слова застряли в горле. Она прочла ответ в его глазах.

Артюхов положил на ее затылок ладонь и прижал Ольгу к себе:

– Поплачь.

Но слез не было. Была леденящая пустота.

– Он... что с ним?

– Его тело в морге. Он умер, когда отправился в виртуальную реальность, чтобы найти меня и остановить Фрайба, который манипулировал людьми и...

Дальше Ольга его не слушала, только комкала ворот его халата. Она ощущала себя маленьким бездомным зверьком на чужих руках. Все кончено. Игоря нет. Дома нет. Ничего нет. Зачем-то осталась эта жизнь – ношенная перчатка на одну руку.

Артюхов похлопал ее по спине:

– Поплачь, легче будет.

«Будет. Только слез нет, – подумала Ольга. – Они придут потом, когда я останусь одна».

– Где твои родители? Братья-сестры?

Ольга помотала головой. Родители перестали с ней разговаривать три года назад, когда она приняла предложение Маузера. Они, наверное, обрадуются. Старший брат укатил в Америку, и с концами. Иногда появляется в Интернете, хвастается детьми-мулатами.

– Ох, горе, что с тобой делать? – вздохнул Артюхов.

– У...ходите, – уронила она и попыталась оттолкнуть Артюхова, но он не отпустил ее. – Я хочу его видеть. О...познание ведь все равно, да?

– Сможешь?

Ольга закивала, отстранилась и побрела к выходу.

– Стойте, вы куда? – крикнула в спину медсестра, Артюхов что-то ей ответил.

Ольга выскользнула из отделения и сломавшимся роботом замерла на лестничной клетке.

* * *

Артюхов встал напротив нее, протянул руку, опустил. Все напрасно, единственное, чем он может помочь – пристрелить ее, чтоб не мучилась. Он мысленно выругался. На фига ему это надо – терзаться чувством вины, утешать незнакомую женщину, когда надо лететь в офис «Парадиза», замечать следы. В «Сигме» бардак, еще неизвестно, что творится в утратившей актуальность клинике. Она жрет половину дохода, придется ее закрывать.

Да, менты с ним дружат, но своего при случае не упустят, и если на него укажут и скоман-дуют «ату», максимум, чем поможет тот же Рукастый – предупредит, чтобы бежал из страны. Артюхов посмотрел на Ольгу, обхватившую себя руками, осторожно тронул ее за плечо:

– У него еще близкие есть?

– Я справлюсь... и... хочу увидеть. Сама.

– Понимаю. Все равно ответь на вопрос. Мы обязаны им сообщить.

– Мать умерла. Брат есть младший, Костик. Сидит за... воровство. Или вышел уже, не знаю, это его третья ходка. Они не были близки.

«Свели мать в могилу, – подумал Артюхов, но, естественно, промолчал. – Один сын – сиделец-рецидивист, второй – тот еще подарочек».

– Идем, – он взял Ольгу под руку и повел вниз по лестнице. Она шла за ним, как зомби, ее ноги заплетались, взгляд был устремлен в никуда.

Завидев босса, Тоха выбросил сигарету на асфальт и поспешил открыть дверцу перед Ольгой. Она заглянула в салон, будто это не машина, а разинувший пасть монстр, который собирается ее сожрать. Артюхов обнял ее за талию и помог залезть, она забилась на правое сиденье последнего ряда.

Артюхов занял свое привычное место возле водителя и сказал Тохе, заводящему мотор:

– Свинья. Еще раз увижу, что ты гадишь, зарплату отполовиню.

Тоха разинул рот, виновато захлопал белесыми ресницами.

– Я про окурков, – объяснил Игнат.

Щеки Тохи вспыхнули, он заглушил мотор и собрался выйти, чтобы убрать бычок, но Артюхов распорядился:

– Времени нет, поехали.

Куда ехать, Тоха знал – маршрут обговаривали заранее.

Всю дорогу Артюхов думал, станет ли Ольге легче, если сказать правду: твой муж не умер, он живет в параллельной реальности. Наверное, нет. Она в лепешку разобьется, но попытается или его достать, или проникнуть в Зону. Сделать это у нее вряд ли получится: пуповина, связывающая реальности, обрезана. Но Ольга откажется принимать правду и будет снова и снова ходить в «Парадиз», компостировать всем мозг, себе – в первую очередь. Да и неизвестно, сохранилась Зона или разрушилась с обрывом связей. А так помучается девушка, потом смирится и заживет дальше.

Припарковались возле морга. Телохраны высыпали из машины, защелкали зажигалками. Ольга не решалась выйти. Вцепилась в подлокотники кожаного кресла так, что аж побелели костяшки пальцев.

– Оля, если не хочешь, я найду его брата...

Девушка мотнула головой и вылезла, уставилась на здание морга, где, нежась на солнышке, курил пузатый сотрудник в белом халате.

– Идем, – сказала она с напускной уверенностью и зашагала к порогу.

Она не знала, что Артюхов взял похороны на себя и уже все оплатил, даже место на кладбище купил. Кивнув патологоанатому, Игнат вошел в тесную белую прихожую без окон, поморщился от характерного запаха, пропустил в комнату морга Ольгу с ментами. Воцарилась тишина, потом кто-то из ментов забубнил. Ольга молчала.

Распахнулась дверь, и вышла не Ольга, нет. Вышло ее тело с лицом, бледным, как мел, и синюшными губами. За ней выкатились два румяных веселых мента с папками под мышками.

– Когда вы виделись с мужем в последний раз? – спросил пухлощекий лейтенант, вместо Ольги ответил Артюхов, предъявляя удостоверение:

– Все вопросы потом. Она только из больницы. Свободны.

Менты переглянулись, пожали плечами и ретировались. Ольга села на кушетку и замерла. Она просидела бы так часы, если бы Артюхов не поднял ее за плечи и не повел к машине. Он заранее выяснил, где живет Коваль. Вот только оставлять ее одну сейчас опасно, но и сидеть с ней нет ни времени, ни желания. Он надеялся, что Ольга позвонит кому-нибудь из знакомых, и ее поддержат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.